

ВЛАДИМИР АЛЬБРЕХТ

КАК БЫТЬ СВИДЕТЕЛЕМ КАК ВЕСТИ СЕБЯ НА ОБЫСКЕ

ВЛАДИМИР АЛЬБРЕХТ

КАК БЫТЬ СВИДЕТЕЛЕМ

КАК ВЕСТИ СЕБЯ НА ОБЫСКЕ

УДК 172.1
ББК 87.75
А56

ISBN 978-5-4386-5198-7

Альбрехт В. Я.

А56 Как быть свидетелем. Как вести себя на допросе.
Санкт-Петербург: «Свое издательство», 2013. — 120 с.

«Скажут, пожалуй, что в XXI веке в России не ожидаются гонения на инакомыслящих, да и по другим статьям будут судить в соответствии с буквой и духом закона. Прения сторон, гласность и прочее... Все так. Понятен соблазн „в надежде правды и добра глядеть на вещи без боязни“. Но историческая память требует не обольщаться».

М. М. Молоствов

*Посвящается Яну Альбрехту — моему отцу,
расстрелянному 14 марта 1938 года, и моему
сыну, родившемуся 29 декабря 1969 года.*

КАК БЫТЬ СВИДЕТЕЛЕМ

Следователь: Откуда у вас Евангелие?

Свидетель: От Матфея

Из рассказов о допросе

Если проникать в тайны литературы узкоспециальной (вместо введения)

Следователь: Вы догадываетесь, почему вас вызвали?

Свидетель: Да, но лучше будет, если вы скажете.

Следователь: Почему лучше?

Свидетель: В противном случае получается, что вам стыдно сказать...

Из рассказов о допросе

Интересно ли вам знать, читатель, что следователь добивается результатов с помощью не менее чем 18-ти приемов? Вот они, извольте: «внезапность», «последовательность», «создание напряжения с перегрузкой сознания», «снятие напряжения со стремлением „поговорить по душам“», «пресечение» лжи сразу же или спустя некоторое время, фиксированный темп допроса с перегрузкой сознания или замедленный темп с фиксацией желания проскочить особо неприятное.

И это, и многое другое можно прочесть в специальной литературе. Но нужно ли нам, непрофессионалам, изучать книги и статьи, написанные для следователей? Казалось бы, неплохо кое-что знать. Приятно, наверное, спросить следователя, какой прием он к вам так неудачно применяет, и посоветовать другой. В спецлитературе можно прочитать многое, даже примеры некорректного поведения следователей. Только вот в чем беда: эти примеры — образчики безнаказанности и значит «неплохое» руководство к действию для остальных следователей. Наше же с вами оружие — правда. И поэтому все хорошее в мире дружелюбно нам. Ваши нравственные принципы, ваша мораль — вот основы поведения. И если вы хотите почитать что-нибудь стоящее,

то ради бога: читайте Толстого, Пушкина, Чаадаева, Достоевского, Библию, наконец. Не тратьте время на вздор.

Ну, а в области узкоспециальной, может быть, вам хватит той ерунды, которую вы прочтете в данной брошюре. Итак, к делу.

... Моя приятельница пролиставала эту рукопись и сказала, что у нее есть надежная машинистка. Я ответил, что очень надежная, наверное, не нужна, но перепечатать рукопись хотелось бы. Приятельница обещала поговорить и дать ответ в понедельник.

«Законодатель должен смотреть на себя как на естествоиспытателя. Он не делает законов, он не изобретает их, а только формулирует... Мы должны были бы бросить упрек законодателю в безграничном произволе, если бы он подменил сущность дела своими выдумками» (Карл Маркс).

«Есть два вида испорченности — один, когда народ совершенно не исполняет законов; второй — когда законы его портят; последнее зло неизлечимо, потому что оно заключается в самом лекарстве» (Монтескье).

Эти две цитаты — нечто вроде талисмана. Возможно, они будут способствовать пониманию рукописи.

Начало было неожиданным

Путем запутывания вы заставляете меня сознаться. Какое, по-вашему, преступление более серьезно — то, которое, как вы считаете, совершил я, или то, которое сейчас совершаете вы?

Из рассказов о допросе

Представьте себе беседу двух людей. Один говорит легко и свободно. Он сдержанно, но живо реагирует на то, на что хочет реагировать. Наконец, просто смеется. Другой внутренне скован. Он постоянно думает о чем-то постороннем. Его реакции смешны и наиграны. Он-то уж точно знает, что стены имеют уши, и потому боится. Боится собственной неумелости и косноязычности, боится своего и чужого неосторожного слова, боится насмешек в свой адрес. Этот человек, не удивляйтесь, — следователь. А вы? Вы тот, первый.

Первые радости

Автор: Какой допрос вас больше устроит — короткий или длинный?

Читатель: Конечно, короткий. А какой устроит следователя?

Автор: Тоже короткий. У него мало времени и много вопросов. Его устроит, если вы будете торопиться — где торопливость, там опрометчивость.

Читатель: А если дело липовое?

Автор: Тогда допрос будет обязательно неудачным — либо для него, либо для вас.

Из беседы автора с читателем

Театр, как говорил Станиславский, начинается с вешалки. Встречая вас, следователь здоровается за руку, говорит, куда повесить пальто. Он вежлив, предупредителен, пытать вас вроде бы не собирается. Вы не ожидали, чувствуете облегчение: зачем же ссориться, когда можно по-хорошему. Но есть во всем этом что-то от любительского театра, какая-то наигранность. Чувствуете? Пока еще нет?

Ну что же, сейчас вы будете изображать простого, очень занятого человека с плохой памятью, но, впрочем, готового помочь расследованию, если нужно.

Но надо ли помогать расследованию? Убежден — надо. Допустим, следователь пытается установить истину, расследуя дело об убийстве или воровстве. Ваш долг — помочь ему. А если вас вызвали свидетелем по делу, в котором ваш друг обвиняется в распространении антисоветской пропаганды и клеветы? Вы уверены, что обвинение ложно и несправедливо. Так помогите же установить эту истину. В этом ваша нравственная обязанность.

Пока что вы включились в его игру — продолжается «разговор по душам». К сожалению, он дает возможность вашему собеседнику-профессионалу спрашивать о том, о чем он

спрашивать не должен. Например, о вас лично, о ком-то еще. Вопросы, с вашей точки зрения, пока ерундовые. Все очень вежливо. Он не прерывает. Разве только немного и осторожно подстегивает, если вы останавливаетесь. Однако потом, когда следователь узнает все, что его интересовало, он, конечно, увидит неправду и... рассердится. (Он умеет.)

Вы станете оправдываться — тогда он узнает еще больше. Он сделает это совсем просто, чередуя многозначительные намеки на полную осведомленность и угрозы. Вы продолжаете отвечать, но почему-то немножко жалеете. О чем? Может быть, о том, что поздоровались за руку?

Мешает ли вам жизненный опыт?

— Почему-то требовалось привести пример, как мы с Андреем обсуждали проблемы прав человека. Ну, я сказал тогда про герцога Энгинского. Следователь пришел в ярость.

— А вы с Андреем действительно говорили о герцоге Энгинском?

— Откуда я знаю. Мало ли о чем говорят люди за 15 лет знакомства. Он же просил привести пример.

Из рассказов о допросе

Что же произошло? Во-первых, вы боялись обидеть человека, который с вами вежлив. Но, помилуйте, что же в этом страшного? Коли «мирное сосуществование» идеологий невозможно, то остаться обиженным он, по-видимому, обязан.

Во-вторых, вы не привыкли врать и боитесь его неукротимой осведомленности. Допустим, они за вами неофициально следили. Много ли они выследили? И ведь она, эта осведомленность, гроша ломаного не стоит. Она постыдна к тому же.

В-третьих, следователь немножко обманул вас, немножко нарушил установленный законом порядок ведения допроса*. Он пользуется вашей неопытностью, пытаясь запугать вас, но сам-то ведь знает, что, пока ваши слова не записаны в протокол и с вас не взята подписка об ответственности за дачу ложных показаний, ваши слова не имеют значения. Вы пока не в его руках.

И его недоверие вас унижает?

* УПК РСФСР, ст. 158: «Перед допросом следователь удостоверяется в личности свидетеля, разъясняет ему его обязанности и предупреждает об ответственности за дачу заведомо ложных показаний, о чем делается отметка в протоколе, которая удостоверяется подписью свидетеля. Допрос по существу дела начинается предложением свидетелю рассказать все ему известное об обстоятельствах, в связи с которыми он вызван на допрос; после рассказа свидетеля следователь может задать ему вопросы. Наводящие вопросы не допускаются».

Нет, больше, наверное, унижает собственная ложь и болтливость. Не надо было врать и говорить лишнее тоже не надо было.

Теперь, когда вас поймали на том и на другом, вы почти принимаете сделку. Он сейчас пообещает «пощаду», а вы — «откровенность». Хотя потом ему будет нетрудно аннулировать свое обещание. А вам? Ведь вы пошли на компромисс.

С кем?

С собственной совестью. Или с дьяволом.

Чтобы потом удивляться: «Гитлер нарушил договор. Он обманул». А чему тут удивляться?

Это все-таки допрос или беседа?

Свидетель: Мне трудно отвечать на Ваши вопросы, поскольку я не несу ответственности за свои слова.

Следователь: Нет, вы несете ответственность за свои слова.

Свидетель: Тогда позвольте я дам подписку об ответственности за ложные показания.

Из рассказов о допросе

Допрос и беседа — далеко не одно и то же. Беседа не предусмотрена законом. Возможно, допрос будет много позже, возможно, его не будет никогда, возможно, он начнется сразу же после беседы. Во всех случаях беседа — это психологическая разведка (для следователя).

А почему бы и вам не использовать ее в тех же целях? Ну что ж, попробуйте.

Он спрашивает — вы отвечаете. (Если память вам не изменяет.) Вы спрашиваете — он отвечает. (Если хочет, разумеется.) Как говорится, откровенный обмен информацией.

Но тут вы замечаете, что следователь хитрит. Значит, предлагая откровенную беседу, он хотел обмануть вас. Скажите ему об этом (вежливо, конечно). И требуйте протокол (хотя бы для того, чтобы сохранить откровенность беседы). Отказывается — пристыдите легонько. Если он «ерепенится» и по-прежнему хочет «беседовать», пусть беседует сам с собой. Если он имеет право в любое время беседовать с вами, то вы имеете право не беседовать с ним никогда. (Можно было с этого начать и уклониться от разговора сразу и категорически.) Не помогает — потребуйте, чтобы он дал вам возможность расписаться об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу ложных показаний. И поскольку это можно сделать только в протоколе, то вы своего добились.

Протокол начат, теперь вопросы и ответы записываются. Он пишет свои вопросы, вы — свои ответы (собственноручно, если хотите). Во всяком случае, вы — полноправный владелец половины протокола. Свои ответы вы пишете сначала в черновике, редактируете и не спеша заносите в протокол (или диктуете следователю)*. Не торопитесь подписывать протокол. Обратите внимание на первую страницу, там все должно быть указано правильно. Говорят, иногда следователи «забывают» писать название дела, по которому вы вызваны на допрос, и втайне дописывают потом. Длительное общение с преступниками, наверное, оказывает на них дурное влияние. При случае об этом стоит сказать или вернее написать в протоколе, оказывая тем самым хорошее влияние.

Если один из вас боится правды, то пусть им будет он, а не вы. В ваших ответах должна быть только правда. Та самая, которая нравственно допустима. Другой, в сущности, нет.

* Писать ответы вначале на черновике — это естественное право добросовестного свидетеля. Кроме того, он может приносить с собой какие-то свои записи, сделанные заранее, и использовать их. Разумеется, он вправе писать неразборчиво во всех случаях, когда пишет в черновике для себя. С другой стороны, следователь вправе потребовать, чтобы его вопросы свидетель не записывал в черновик. *(Примечания и дополнения читателей)*

Четыре основных принципа

Иисус же стал перед правителем. И спросил его правитель:

— Ты Царь Иудейский?

Иисус сказал ему:

— Ты говоришь.

Мф. 27: 11

Обычно я прихожу на допрос и жду, когда он соврет. Никакими системами я вроде бы и не пользуюсь. Затем, после первой лжи, я его прощаю: я пришел не для того, чтобы читать ему нотации. Но через некоторое время ситуация повторяется, причем он беспрерывно тербит меня такими вопросами, отвечая на которые я все время должен иметь в виду общечеловеческие понятия о порядочности и приличии.

Будем считать, что, размышляя над тем, допустимо ли с точки зрения ваших представлений о нравственности отвечать на тот или иной вопрос, вы как бы просеиваете его через некоторое сито — сито «Д» (от слова допустимость). Есть еще три сита, которые позволяют вам чувствовать себя увереннее. Сейчас мы их рассмотрим.

Как отвечать на трудный вопрос? Про сито «П» и «Л»

Следователь: Я должен вас предупредить и взять подписку об ответственности... по статье 184 УК за разглашение материалов, представляющих тайну следствия.

Свидетель: Не дам.

Следователь: Почему?

Свидетель: То, что я должен сообщить, я знал раньше. Для меня это не материалы следствия и никакая не тайна.

Следователь: А мои вопросы? Почему вы считаете, что они не следственная тайна?

Свидетель: Какая разница, что я считаю? Напишите свой вопрос в протокол, и я на него отвечу.

Следователь: Я знаю, вы напишете: «Не имеет отношения к делу».

Свидетель: Правильно, так и напишу.

Он смутился и ни на чем больше не настаивал.

Из беседы автора со следователем во время допроса по делу А. Твердохлебова, июнь 1975 г.

Никто не должен принуждаться свидетельствовать против самого себя.

Пятая поправка к Конституции США

Не волнуйтесь. Есть очень много трудных вопросов, для которых годится один простой ответ. Его надо произнести вежливо и не торопясь: «Запишите ваш вопрос в протокол, и я на него отвечу». Если следователь не записывает свой вопрос в протокол, вы не обязаны на него отвечать. Эти рассуждения мы условно обозначим как сито «П» (от первой буквы слова *протокол*).

Сито «П» мешает следователю писать черновик протокола. Мешает, например, аннулировать заданный вопрос, если он после вашего ответа покажется следователю невыгодным. Это важно.

Скорее всего «трудным» для вас окажется вопрос, который касается лично вас. То есть в этом случае вы перестаете быть

свидетелем и становитесь подозреваемым или обвиняемым. Но по закону подозреваемый или обвиняемый не несет ответственности за дачу ложных показаний, отказ или уклонение от показаний. В Бюллетене Верховного Суда СССР (№ 4, стр. 25, 1974 г.) сказано: «Допрос в качестве свидетеля подозреваемого в совершении преступления лишает его возможности осуществить свое право на защиту и потому не может быть признан соответствующим требованиям процессуального закона». Кто же станет свидетельствовать против самого себя?

Представьте, некто К. заявил, что отобранную у него книгу он взял у вас. Конечно, вы расстроены. Безотносительно к тому, вредна ли эта книга для правительства или нет. Для К. она определенно вредна, и для вас также. В этом случае вы скажете, что рады были бы ответить, чья это книга, но фактически не можете этого сделать, так как не беспристрастны. Вам, в сущности, нельзя верить как свидетелю, так как вы — заинтересованное лицо. Вы — подозреваемый в преступлении. Нет уж... Выяснение истины, если это только возможно, должно происходить без вашего участия.

— А в чем вы заинтересованное лицо? — спросит, допустим, следователь.

— Я заинтересован доказать свою невиновность, — ответите, допустим, вы.

— Что же мешает вам ее доказать? — спросит он.

— Многое, — ответите вы, — Во-первых, отсутствие адвоката. Во-вторых, незнание законов. В-третьих, неизвестно, что именно надо доказывать (ведь мне не предъявлено обвинение). И, наконец, сама необходимость доказывать. Существует мнение, что доказывать должно следствие.

Если следователь не унимается, полезно пройти с ним еще раз весь кусок, начиная со слов, что «рады были бы ответить на вопрос». Эти размышления назовем условно ситом «Л», от слова *личное*.

Надо отметить, что отказ от ответа на вопрос, который ставит лично вас в положение подозреваемого, нередко

психологически труден, особенно в щекотливых ситуациях, когда его можно понять как трусость. Вы готовы были бы выручить, например, товарища, взяв какой-то «грех» на себя. Но можно ли считать такую позицию правильной? Разумеется, нет. Гораздо лучше просто объяснить нелепость вашего положения как свидетеля в этом деле. Ведь вы не можете им быть, коли вас подозревают в соучастии в преступлении.

Другой пример не относится к практике следствия, но я позволю себе его привести, поскольку ситуация довольно распространенная. Предположим, человек 25 лет проработал на ответственной работе и всегда, вплоть до увольнения (в связи с желанием выехать в Израиль) получал большую зарплату. На вопрос милиционера «Где вы работаете?» он вряд ли откажется отвечать. Он скорее «сознается», что нигде не работает и предпочтет доказать, что живет на средства, заработанные честным трудом, чем попросту откажется отвечать на вопрос. Таким образом он облегчит преследование самого себя за тунеядство, в то время как следовало бы заставить доказывать, что он тунеядец, тех, кто обязан это доказывать.

Вопрос, который не имеет отношения к делу или вопрос, который имеет «слишком близкое» отношение к делу (про сито «О»)

Следователь: Отказываетесь ли вы сказать, что знаете автора письма?

Свидетель: Нет, не отказываюсь.

Следователь: Что вам мешает ответить на вопрос, кто автор письма?

Свидетель: Мне мешает необходимость придерживаться рамок расследуемого дела.

Из протокола допроса по делу А. Твердохлебова, июнь, 1975 г.

Однажды Чалидзе отказался отвечать на какой-то вопрос следователя. Тот спросил, почему, и Чалидзе ответил: «Ваш вопрос не имеет отношения к настоящему делу. Он имеет отношение к еще не возбужденному делу о моем отказе отвечать на предыдущий вопрос».

Итак, если вы уверены, что вопрос следователя не по делу, у вас есть повод на него не отвечать. Но интересно, что такой же повод возникает, если вопрос наводящий, «слишком близкий» к делу, то есть подсказывающий свидетелю ответ «да» или «нет». Закон прямо запрещает задавать наводящие вопросы. Например, нельзя спрашивать: «Давал ли вам Рабинович читать „Архипелаг ГУЛАГ“?» Следует спросить: «Давал ли вам Рабинович какие-либо книги?» Предположим далее, что вы говорите, что вам непонятно, о каком Рабиновиче идет речь, и хотелось бы увидеть его фотографию. В этом случае следователь не имеет права показать вам одну фотографию (это было бы наводящим вопросом). Он должен показать сразу несколько фото, чтобы вы сами узнали Рабиновича на одном из них. Такую просьбу не так легко выполнить. Тем более, что вся процедура опознания должна совершаться в присутствии понятых и оформляться протоколом*.

* Запрещение наводящих вопросов — это, фактически, запрещение подсказывать свидетелю, какие именно конкретно показания от него требуются.

Система ПЛОД

Если правду прокричать вам мешает кашель,
Не забудьте отхлебнуть этих чудных капель.

Из песни Булата Окуджавы

Теперь попробуйте восстановить в памяти прочитанное на предыдущих страницах. Итак, все вопросы просеиваются через четыре сита системы ПЛОД. Запомнить слово нетрудно: плод вашего воображения (с дерева добра и зла) и вместе с тем запретный плод, который сладок.

Первое сито «П» означает требование внести вопросы в протокол; затем сито «Л» — вы размышляете, не ставит ли заданный вопрос вас лично в положение подозреваемого в соучастии в преступлении. Далее сито «О» — отношение к делу, но не «слишком близкое». И, наконец, сито «Д» — допустимость ответа с точки зрения ваших представлений о морали.

Очевидно, система ПЛОД заставит вас не торопиться и думать. Начнете думать — возникнет интерес и сам собой исчезнет страх. Все четыре сита призваны избавить вас от вероятных неприятностей. Но если три первых принципа должны препятствовать появлению в протоколе какой-то информации, то, в противоположность этому, четвертый принцип позволяет вам добиться внесения в протокол того, что вы считаете необходимым, например: какие-то непротокольные слова или поступки следователя.

Как спокойно отвечать на простой вопрос?

Чтобы убедить следователя в нелепости вопроса, я спросил его: «А когда вас заинтересовала проблема прав человека?» Ответ заставил меня подпрыгнуть на стуле — оказывается, что его это никогда не интересовало.

Из рассказов о допросе

Из легких вопросов следователь сооружает как бы большую колыбель. Слегка укачивая вас в ней, он терпеливо и бережно высиживает свой важный вопрос. Надо хорошенько убаюкать ваше внимание. Зорким часовым стоит он над душой и легонько подталкивает, не давая понять куда. Возникает довольно бодрый темп допроса. И вдруг — вопрос трудный. Вы смутились (обнажились), а следователь и рад. Он откровенно изучает ваше смущение, напоминает об ответственности за дачу ложных показаний, не дает сосредоточиться.

Что же, спрашивается, делать? А ничего особенного. Просто не надо торопиться. Ничто не мешает легкий вопрос обдумывать так же, как и трудный. Не торопитесь нарочито, с самого начала. Если следователь ускорит темп, то в протоколе при ответе на очередной вопрос можно кое-что дописывать. Например, «обвиняемый не давал мне никакой антисоветской литературы. Но я просил бы следователя не ходить вокруг, не пугать, не курить в лицо, не повышать голос, не торопить с ответом, — словом, не оказывать на меня давления».

— На вас никто не оказывает давления.

— А я не говорю «оказывает», я лишь прошу не оказывать.

Если следователь не унимается и кричит, вы говорите: «Вот видите — кричите. Это и есть «оказывать давление». У меня уже рука дрожит». (Покажите ему, как она дрожит.) Только не грубите. Самое большее, чего вы можете требовать, это «интеллигентного поведения». Мы ведь все интеллигенты? Если он сильно бранится — успокойте, скажите, не надо,

дескать, зачем ссориться. Попросите что-нибудь рассказать о себе. Он расскажет и успокоится.

— А если не успокоится? — спросит читатель.

Что ж, тогда не знаю. Нельзя же все знать. Но есть ли смысл продолжать разговор в такой обстановке?

Еще раз о том, что такое нравственная допустимость или как отвечать на очень простой вопрос? (Сито «Д»)

Свидетель: Действительно, обвиняемый играл на пианино. Но я просил бы вас не писать об этом в протоколе.

Следователь: Почему?

Свидетель: Непонятно? Андрей — мой друг, а вы — враг. Андрей выйдет из тюрьмы. Он спросит меня: «Зачем ты сказал про пианино?», а я что отвечу?

*Из беседы со следователем во время допроса
по делу А. Твердохлебова, июнь 1975 г.*

Допрос ведется по конкретному делу: распространение клеветы на советский общественный строй (не критики, а клеветы).

— Что вам известно об этом? — спрашивает, допустим, следователь.

— Ничего.

— Вы хотя бы верите в сам факт клеветы?

— Нет, безусловно.

Вы не верите и в то же время опасаетесь кому-либо повредить своими показаниями. Вы и не хотите, чтобы кого-нибудь обыскали и допросили «на всякий случай». Так напишите об этом честно и откровенно. Это будет хорошим ответом на заданный вопрос. Напишите, не дожидаясь, пока следователь заговорит конкретнее:

— А знакомы ли вы с тем-то и с тем-то? Когда познакомились? Кто с вами ехал в трамвае или ходил в гастроном?

Нет. Никто не призывает вас к скрытности. Конспирация — это не для вас, а для них. И, пожалуйста, не бойтесь. Не бойтесь «неосторожных» разговоров по телефону. Не бойтесь небольших личных неприятностей. Зато бойтесь

признаваться следователю, что в гостях вы пили шампанское. Чего доброго, о ваших знакомых напишут фельетон, где шампанское благодаря вам потечет рекой.

Мелочами мы обычно называем ту ерунду, о которой нас, как нам кажется, ни при каких обстоятельствах не спросят. Но если вопрос возникает, может быть мелочь перестает быть мелочью?

— Вы были в Литве?

— Да.

— С какой целью?

Видите, не мелочь. Обидно. Вопрос мог застрять в любом из наших сит, но он был слишком простым, и вы легко сказали «да». Кажется, ничего особенного. Скрывать, что вы ехали в трамвае или ходили в гастроном?.. Зачем? А, с другой стороны, надо ли об этом сообщать? *Если непонятна цель вопроса, надо ли спешить?*

Невинное признание, что вы одалживали у подсудимого зонтик, может быть передано ему в столь оригинальной форме, что человек, просидевший почти год в тюрьме, наконец, «поймет» — «им все известно». Хорошо, если в результате он покажет, где спрятал 33 кг золота, а если он скажет, что хотел свергнуть Советскую власть с помощью какой-то книги?*

По всей видимости, труден не тот вопрос, на который отвечать неудобно или страшно, а именно тот, самый простой вопрос, на который отвечаешь не подумавши.**

* Слово «хорошо» неуместно. 33 кг золота, как показывает опыт, не восполняют ущерба, наносимого правосудию. *(Примечания и дополнения читателей)*

** По видимому, свидетель не должен объяснять следователю, что он к чему-то непричастен или чего-то не делал. Если цель заданного вопроса сомнительна, если есть уверенность, что следователь ведет себя нечестно, об этом надо сказать. Здесь свидетель фактически использует сито «Л». *(Примечания и дополнения читателей)*

**«Не замечали ли вы в поведении обвиняемого
К. каких-либо странностей?»
(Сито «Д»)**

В комиссии, которая утверждала характеристики уезжающих в турпоездку по странам народной демократии, одну женщину спросили: «А почему вы не замужем?»

Случай

Вопрос, по меньшей мере, неприличный. Странности бывают у многих... К. никогда не был сумасшедшим. Главное — он невиновен (вы, по крайней мере, в этом уверены). А какое наказание для него выгоднее — спецпсихлечебница или тюрьма — откуда вам знать?

Можно ответить, например, так:

— Не понимаю и прошу разъяснить смысл вопроса.

Есть вещи, о которых принято говорить только с врачом, а следователь ведь не врач. После объяснений следователя, которые, вероятно, окажутся тем же вопросом, только более подробным, хорошо бы написать то, что написано выше: «Странности бывают у многих».

Есть достаточное число нужных следствию, но не вполне приличных вопросов. Очевидно, что всякий раз приходится придумывать такой ответ, который отбивал бы охоту задавать подобные вопросы.

Опять трудный вопрос (Рассмотрим ряд примеров. Сито «Л»)

Свидетель: Да, я подтверждаю свою подпись под требованием о повсеместном запрещении пыток.

Следователь: При каких обстоятельствах вы подписали этот документ?

Свидетель: Обстоятельств не помню.

Следователь: Почему же тогда вы подтверждаете свою подпись?

Свидетель: Потому что документ не вызывает возражений. Я готов его подписать хоть сейчас.

Из рассказов о допросе

1. *Вопрос:* «Печатали ли вы сами или просили кого-нибудь напечатать книгу „Архипелаг ГУЛАГ“?»

Предположим, вы действительно печатали книгу. Говорить об этом не хотите, но и врать не обязательно. Сейчас вы даете показания по делу К., поэтому отвечаете: «Я не помню случая, чтобы когда-нибудь я просил К. напечатать эту книгу, и мне неизвестно, чтобы К. когда-либо просил об этом меня». (Хотя вы полагаете, допустим, что печатание книги Солженицына не преступление, а высокая честь.)

2. *Вопрос:* «Кто является автором такой-то рукописи, найденной у вас при обыске? Давали ли вы ее читать кому-либо?»

Ответ: «Мне не известно ничего, что позволило бы считать автором рукописи К. Я не помню, чтобы давал ее читать К. или обсуждал с ним свое, его или чье-либо авторство».

Если в вопросе фамилия обвиняемого К. отсутствует, то лучше написать ее в ответе.

3. *Вопрос:* «Что мешает вам ответить, кто автор рукописи?»

Ответ: «Мешает сознание того, что рукопись не содержит клеветы».

4. *Вопрос:* «Вы отказываетесь считать себя автором этой рукописи?»

Ответ: «Нет. Ни то, ни другое. Ни от каких своих заявлений, статей, писем, книг или рукописей я не отказываюсь. Но если вам необходимо установить мое авторство, чтобы потом меня противозаконно обвинить, то я не желаю сотрудничать с вами. Вам надо — вы и доказывайте. Я не намерен облегчать вам работу, поскольку не считаю следствие законным».

О том, как убедить следователя в необходимости правильно вносить ваши ответы в протокол (сито «П»)

Следователь: Не припомните ли вы?..

Свидетель: Не припомню.

Следователь: Но вы же не знаете, о чем я спрошу.

Свидетель: Неважно, я обязан говорить правду.

Из рассказов о допросе

Несколько раз во время допроса следователь дает понять, как важно в протоколе каждое написанное слово. В конце он обязательно попросит написать, и обязательно собственноручно, что вы сами все прочли и ни добавлений, ни замечаний не имеете. Если вы, например, не русский, он самым вежливым образом осведомится, нет ли нужды в переводчике, достаточно ли вы хорошо владеете русским языком. Но если вы, допустим, бельгиец, работаете в Москве переводчиком и знаете русский язык, то это еще не означает, что ваших знаний достаточно, чтобы давать показания.

Итак, подчеркивая важность каждого написанного в протоколе слова, он рассчитывает, что вы будете полагаться на его знания и опыт и не станете в протоколе писать «что не положено». Но в принципе, он осторожен, он не уверен, что вы будете полагаться только на его знания и опыт. Это нередко напоминает ситуацию в магазине.

Следователь нередко бережет протокол от свидетеля, как недобросовестный продавец — жалобную книгу от покупателя. В этом случае надо настаивать на том, чтобы *самому* заносить свои показания в протокол, что довольно сложно.

И вот пока следователь «улучшает» ваш ответ, вы, не вступая в конфликт, обдумываете, что делать.

Он удовлетворен своей работой и задает следующий вопрос; ну что же, можно ответить, скажем, так:

— Отказываюсь отвечать, поскольку имею основания полагать, что мой ответ не будет записан в протокол правильно, как это уже случилось с ответом на предыдущий (предположим) вопрос.

Если следователь «редактирует» и этот ответ, то аргументация возражает. Далее свидетель говорит:

— Отказываюсь отвечать, поскольку имею основания думать, что мой ответ не будет записан в протокол правильно, как это уже случилось с ответами на второй, третий и т. д. вопросы.

В конце концов следователь сдаётся и пишет:

— Намерены ли вы вообще отвечать на поставленные вопросы?

— Я намерен отвечать по существу на любые вопросы, как только отпадут обоснованные сомнения в том, что вы намерены точно заносить в протокол мой ответ на второй вопрос. Считаю уместным повторить мой ответ на этот вопрос. Фальсифицированный протокол подписывать не желаю, о чем намерен сделать заявление. И т. д.

Далее в протокол пишется заявление. А на следующий день скорее всего следователь будет аккуратно заносить в протокол все ответы свидетеля. (Подобным образом выглядел допрос А. Твердохлебова следователем КГБ Харитоновым 23 декабря 1974 г. Дело № 345.)

К сожалению, приведенный выше способ помогает не всегда. В ноябре 1978 г. на допросе по делу А. Щаранского автору этих строк пришлось ходатайствовать о применении звукозаписи после того, как следователь КГБ Скалов заявил, что не будет заносить ответы свидетеля в протокол полностью. Немотивированное, не основанное на законе отклонение следователем этого ходатайства стало причиной отказа от показаний. Прокурор, присутствовавший при допросе, не считал такой отказ обоснованным.

Все-таки вы боитесь... и зря

Ученый сверстник Галилея
Был Галилея не глупее.
Он знал, что вертится Земля,
Но у него была семья.

Чьи-то стихи

Каждое напоминание следователя об ответственности за отказ от показаний неприятно пугает. Пугает и сам вызов к следователю, и обстановка, а более всего — будущее. Хорошо, что оно пока в ваших руках, если, конечно, вы еще держите себя в руках и помните: во-первых, отказ отвечать на какой-либо вопрос вполне допустим, так как это не отказ давать показания вообще. Хотя и то, и другое необходимо уметь объяснить в протоколе. Во-вторых, можно попросить у следователя УК РСФСР и прочитать статью 182, где написано, что «отказ или уклонение свидетеля... от дачи показаний... наказывается исправительными работами* на срок до шести месяцев... или штрафом до пятидесяти рублей, или общественным порицанием».

С другой стороны, вам совсем не стыдно испугаться, особенно если следователь заведомо знает, какое решение вынесет суд. Только вы должны чистосердечно признаться в протоколе и в растерянности, и в испуге. Следователь, кажется, напомнил вам о подписке, о вашей обязанности говорить правду. Скажите ему о том же. Не беда, если и он испугается. Впрочем, чего бы ему пугаться?

* Термин «исправительные работы» несведущему человеку напоминает «исправительный лагерь». На самом деле это всего лишь вычитание из зарплаты 20%, в данном случае не более чем в течение полугода.

Нет, вы определенно не понимаете

Прошла зима, настало лето
Спасибо партии за это.
У нас сегодня выходной,
Спасибо партии родной.

Перевод с китайского

Я вижу государства статую:
Стоит мужчина, полный властности.
Под фиговым листком запрятан
Гигантский орган безопасности.

Перевод с английского

Если свидетель не хочет думать, то зачем ему запрещать делать это другим? Допустим, перед вами вопрос: «Вел ли обвиняемый К. антисоветскую агитацию?» (Он сам в этом признался.) Разумеется, вы отвечаете, как считаете нужным. А как нужно? Вы рассуждаете: на К. не похоже, чтобы он признался в чем-то невероятно страшном, непонятно даже в чем. Наверное, обещали выпустить, поэтому и признался. Так и напишите.

Говорят, непонимание — признак ума. Конечно же, мы не дети, и высшее образование много дает, но даже в основе гениальных открытий часто лежат сомнения именно в том главном, что всем и всегда кажется естественным и несомненным.

Что следует понимать под словами «антисоветские» или «политические» разговоры? Каково юридическое содержание этих непонятных слов? Не будет ли следователь любезен объяснить их? Допустим, известный борец за мир не в силах выговорить какое-нибудь слово. В результате возникает анекдот. Будет ли он антисоветским? Дозволено ли рассказывать анекдоты о Хрущеве? А о Брежневе? Или, например, вот идет по лесу заяц, а навстречу ему медведь:

— Здравствуй, Топтыгин, — говорит заяц.

— Здравствуй, Косыгин, — говорит медведь. Такой анекдот — антисоветский?

Вообще, какие категории анекдотов или просто бесед способны подрывать существующий строй? Да и как можно сохранить тот строй, который возможно подорвать разговорами? Какие меры принять нам всем, как убедиться, наконец, что произносимые слова содержат вполне определенный смысл? Говоря, например, «существующий строй», имеем ли мы в виду одно и то же?

Когда мы говорим «советский», нам гораздо понятнее, чем когда мы говорим «антисоветский». Последнее воспринимается лишь интуитивно. В нашей жизни мы никогда не находим разумных и достойных определений слову «антисоветский». Не от того ли, что мир наших представлений недостаточно широк? А вдруг, читатель, этих объяснений совсем нет? Что тогда?*

«Я ненавижу ваши идеи, но готов отдать жизнь, чтобы вы имели право их выражать» — так утверждал Вольтер, очень давно. Я не уверен, что сейчас нужно утверждать что-то противоположное. Простите за наивность, читатель, но говорят, что знание на память 19 статьи Всеобщей декларации прав человека служит талисманом. Правда ли это? Не знаю.

* Желание свидетеля выяснить, за какие мысли, высказанные вслух, могут посадить — естественно. Неестественно стремление следователя дать формальный и уклончивый ответ. В конце концов свидетель, не видя иного пути, задает очень конкретные и очень каверзные вопросы, которые ставят в тупик следователя. Например, при обсуждении того, что такое «пропаганда национализма», один свидетель спросил: «Посадят ли меня, если я буду агитировать за выход какой-либо республики из состава СССР в целях самостоятельного присоединения этой республики к СЭВу и к Варшавскому договору?» (Примечания и дополнения читателей)

Допрос — это не место, где должно быть понятно абсолютно все

Следователь: Ну, мы-то с вами, конечно, понимаем.

Свидетель: Нет, представьте, не понимаем.

Из доверительной беседы

Ко всему можно привыкнуть, и к непонятному тоже. Постарайтесь, во всяком случае. Когда любопытство следователя составляет основу его профессии, его жертве, наверное, надо обладать чем-то прямо противоположным. Конечно, неплохо, если оба стремятся к пониманию, только хорошо бы знать меру. Ниже приведен поучительный пример из допроса Е. Сиротенко (следователь КГБ Матевосян, июнь 1974 г.). В нем, конечно, не все понятно. А кто сказал, что на допросе все должно быть понятно?

Вопрос: Давно вы знаете Паруйра Айриkyяна?

Ответ: Паруйра Айриkyяна я знаю со времени его заключения в следственную тюрьму КГБ в Ереване после ареста весной 1969 г. по обвинению в соответствии со ст. ст. 65 и 67 УК Арм. ССР (что соответствует ст. ст. 70 и 72 УК РСФСР) за участие в национально-освободительном движении в Армении.

Вопрос: Когда вы лично познакомились с Паруйром Айриkyяном?

Ответ: Во время его пребывания в лагере строгого режима в Мордовии, после вынесения ему приговора — 4 года лишения свободы в 1969 году.

Вопрос: Как же вы могли лично познакомиться с Паруйром Айриkyяном во время его пребывания в лагере строгого режима в Мордовии?

Ответ: В 1969 г. Айриkyян находился в следственной тюрьме КГБ в Ереване.

Вопрос: Когда вы впервые увидели Айриkyяна?

Ответ: В Москве во время его возвращения из Потьмы в Ереван весной 1973 г.*

Вот видите, читатель, вначале ответы свидетеля казались вам странными, но потом вы поняли, что свидетель и следователь вкладывают разный смысл в одни и те же слова.

Кто спорит, что всегда хорошо знать, что нужно понимать, а что не нужно. Например, какие-то намеки следователя или еще что-нибудь.

Чтобы достичь понимания, говорят, по крайней мере, вначале надо достичь непонимания. «Вы все время жалуетесь, что не понимаете меня, — сказал на допросе один свидетель. — Интересно, как же вы беретесь расследовать дело, которое связано с теми, кого вы не понимаете?»

В среду в доме моей приятельницы рассказывал о том, как вести себя на допросе. Хотя я не уверен, что на допросе надо себя как-то специально вести. По-моему, на допросе надо вести себя как везде. Везде надо вести себя обдуманно, т. е. думать над каждым шагом.

Приятельница сообщила, кстати, что ее подруга (машинистка) немножко меня «подвела» — она сломала ключицу и лежит в больнице. В это время я как раз объяснял разницу между оперативными данными и данными следствия. Я ответил, что час назад видел у подъезда человека, который долго читал вывеску из пяти букв. Если сейчас он может так же внимательно слушать нас, как до того читал вывеску, то потом ему нетрудно будет выяснить, какая из подруг моей приятельницы лежит в больнице со сломанной ключицей (конечно, если есть причины для выяснения). Это будут оперативные данные, их ценность проверяется следствием, т. е. зависит от результатов соответствующих обысков и допросов. А они, эти результаты, представляют собой данные следствия. Моя приятельница, к сожалению, немного обиделась.

* Так в машинописном оригинале. (Примечание редактора издания 1981 г.)

Дело тянется

В борьбе за народное дело
Он был инородное тело.

Из песни

При расследовании политических обвинений следователь вынужден предъявлять свидетелю документы, которые сам же считает клеветническими. Таким образом, следователь совершает то же преступление, которое расследует. Понимая, вероятно, уникальность своего положения и несправедную свою цель, следователь старается внушить всякому свидетелю, что тот немножко обвиняемый. Эта мысль, хотя и очень доходчива, прямо им вроде бы не утверждается. Спрашивается, что же делать свидетелю? Так вот, если свидетель шутит, если его ответы умны и остроумны, то как-то само собой получается, что свидетель невиновен. Ведь по-настоящему шутить на следствии способен только по-настоящему честный человек.

Тем временем вас приглашают на очную ставку с обвиняемым К.

Слова обвиняемого я все равно не в силах ни подтвердить, ни опровергнуть: суда еще не было, а человек уже в тюрьме, его вина — миф, его право на защиту ничтожно настолько, что мы все вынуждены снисходительно наблюдать, как он, спасая себя, клеветает на других.

Мнение свидетеля по конкретному поводу

К сожалению, память у К. оказалась «лучше», чем у вас. А что вы думаете? Наверное, если бы К. напрягся и ничего не вспомнил, он настолько подорвал бы свое здоровье, что его признали бы психом. Пока чистосердечное признание остается важным источником обвинения, и та, и другая сторона будут охотно идти навстречу друг другу в поисках общего языка и обоюдной выгоды.

Зачем нужна очная ставка?

Уж не затем ли, что арестован только К., а вы пока на свободе? Очная ставка проводится между двумя лицами, показания которых противоречивы. Они и должны быть противоречивы: один — в тюрьме, другой — на воле. Кто же из них прав? Следователь уже давно знает, «кто прав». Ему хочется только «доказать это получше». Задача не проста и требует тщательной подготовки. В какой-то момент следователь напоминает прокурора, судью или, пожалуй, даже адвоката. Сейчас он будет давить на психику «бестолкового свидетеля», чтобы сделать его еще более бестолковым.

Вот следователь задает свой вопрос, недовольный и длинный. «По краям» вопрос кажется конкретным. Особенно в самом начале. Но в середине — сплошное унижение свидетеля. А конец? Он так лаконичен и тверд, что все вместе заставляет свидетеля съежиться, забыть начало и лишь поступать «как лучше». Для большего эффекта следователь повторяет конец:

«Так как же быть?», «Так как же мне вас понимать?». Свидетель похож на отбивную. Сейчас его на сковородку — и съедят. Однако обходится без сковородки — съели сырым. Проходит время и странно: на суде все повторяется. Опять делают отбивную. Опять, кажется, сковородка. Ах, бедный свидетель. То, что написал следователь, он подписывал, оказывается, не читая. Нет, с вами такого не произойдет. Хотя вы боитесь. Хотя вы боитесь?

Однако вернемся к очной ставке. Вначале, как положено, следователь выясняет ваши отношения. Каковы они? Кто теперь это знает? Никто. Раньше были друзьями. Раньше.

Вы были для К. близким человеком. Он доверял вам свои маленькие китайские тайны. Он просто приходил «исповедаться». Вправе ли вы передавать следователю содержание интимных бесед? Это вопрос вашей совести и ничего больше*.

Угрозы следователя и желание самого К. — не в счет. Следовательно, вы плохой свидетель?.. К сожалению. А что же, например, должен чувствовать священник, которого заставляют нарушать тайну исповеди? К. — всего лишь близкий друг ваш, нет, не отец, но ведь и мужеством Павлика Морозова вы не обладаете.

Разумеется, вас удивляет внешний вид К. Главное — его задушевные перешучивания со следователем и горячее желание вспомнить все на свете. Пользуясь случаем, он что-нибудь скажет вам шепотом, чтобы следователь не слышал. Оказывается, он так себя ведет лишь в силу важных причин. Он объяснит их потом. Более того, он, оказывается, всех спасает. «А вот Иванов — стукач». Подробности потом. Когда? — Потом.

Кстати, на очной ставке вы тоже имеете право задавать вопросы. Не беспокойтесь, что К. сочтет их наивными. Постарайтесь по возможности обдумать их заранее и написать собственноручно в протоколе. Следователь захочет помешать. Если он имеет право мешать, то вы тем более имеете право не подписывать протокол. А в замечаниях, указывая причину

* (Конечно, вы вспомнили сито «Д».)

отказа, вы можете написать свои вопросы. Очень хорошо, если их прочтет К.

Однако сначала попробуйте обратиться к нему устно: «Мне неловко давать о тебе какие-либо сведения, не говоря уже про показания о неведомых мне твоих «преступлениях». Давай обратимся к следователю с просьбой освободить меня от нелепой роли».

Возможно, К. не откажется. В противном случае дело хуже, чем вы предполагали. И все же, дабы очистить свою совесть, потребуйте с него (по долгу дружбы) честное слово, что он (пауза в разговоре на размышление) определенно не занимался пропагандой заговоров с целью свержения власти или покушения на жизнь советских лидеров, не занимался пропагандой устройства массовых беспорядков и ничего подобного не делал. Да, именно, пусть даст честное слово, что у него не было того самого умысла, от которого он будет отказываться почему-то только потом, на суде, но не на следствии. В конце концов, что ему мешает об этом подумать сейчас, пока не поздно?

Ну, а письменно неплохо ему задать такие вопросы:

— Не странно ли, что твоим показаниям верят, одновременно обвиняя тебя в клевете?

— Ты сообщил мне шепотом некую «конфиденциальную» информацию (Иванов — стукач). Известно ли тебе, что вообще знания, приобретенные в тюрьме, нам, вольным людям, попросту опасны?

У вас определенно найдется, что спросить. Хотя... Память капризна и мелочна.

— Ты помнишь, однажды у меня дома мы пошли в ванную. Зачем-то ты специально включил воду. Зачем-то ты тогда на бумаге писал коряво и долго. Зачем? Чтобы они не слышали нас? Чтобы они ничего не узнали? Ведь верно? Тогда почему же сейчас ты им все рассказываешь, объясни? Почему?*

* О существенной роли добросовестного свидетеля в политическом обвинении и, особенно, его роли на очной ставке хорошо написано в брошюре Валерия Чалидзе «Ко мне пришел иностранец». (Примечания и дополнения читателей)

У следствия есть цель и средства для достижения цели

Если у вас кривые ноги, делайте большое декольте.

Советы женщины

Главная цель — «приструнить», чтобы другим неповадно было, т. е. «перевоспитать». Так, по крайней мере, кажется. Ну, а как перевоспитать? Разумеется, в рамках конкретного уголовного обвинения, которое как конфетка в красивой обертке должно быть представлено в суд, несмотря на «протесты общественности». Поэтому следствию хотелось бы, чтобы суд прошел хорошо, чтобы свидетели изобличали подсудимого, а подсудимый, изобличаясь самостоятельно, изобличал бы еще и свидетелей. И когда адвокат красноречиво и долго станет просить о снисхождении, никто не догадается, что он просит о снисхождении к суду, к прокурору, к обществу в целом, к самому себе, в конечном счете к своему специальному адвокатскому допуску. А публика? На «открытом» процессе или на закрытом, она всегда одинакова. Как правило, для друзей и знакомых мест нет. Хорошо еще, если они не слишком деморализованы слухами и страхом.

Важно также, чтобы подсудимый выглядел жалким. Поэтому он не должен быть выдающимся и известным человеком. За то его и судят, что он не таков. Сколько неприятностей и бед возникает буквально сразу, если следствие ошибается. А оно действительно может ошибиться, потому что ошибаются все. Где гарантии, например, что писатель, которого считали неталантливым, не окажется талантливым после того, как его осудят?

Да, цель следствия — узнать истину, ту, что в рамках необходимого. И следствию требуется содействие. Ни одному в мире правительству, даже очень плохому, не легко решиться публично осудить честного человека за его убеждения, если

он сам не захочет содействовать этому, «понимая», что *это* в его собственных интересах или в интересах общего дела.

Разумеется, несмотря на публичное покаяние, подсудимому надлежит быть непоследовательным, непринципиальным, наконец, несимпатичным, чтобы всякий суд мог квалифицировать его раскаяние как неполное и нечистосердечное. Ведь суровый приговор, который последует за ним, должен припугнуть всех, кого надо.

Каковы цели, таковы и средства. Их много, очень. Но по существу они устремлены лишь на то, чтобы всякий свидетель ощущал себя одновременно обвиняемым со всеми вытекающими отсюда последствиями. Ведь только тогда из него, напуганного и послушного, можно лепить что угодно и как угодно.

— Имейте в виду, — говорит следователь, — Ваш товарищ оказался в тюрьме из-за вас.

Так следователь караулит обычное человеческое желание помочь другому и взять какой-то «грех» на себя. Стоит только «клюнуть» на удочку, и одни показания будут плодить другие, пока все тайно подслушанное и подсказанное не обретет благообразный вид юридического документа. И тот, кому достанется больше всех, станет утешать себя мыслями о спасенных друзьях и близких. Интересно, спасенных ценою правды или лжи?

Жену обвиняемого К. приглашают на роль свидетеля

Она ничего не знает и потому многое может сказать.

Ближневосточная мудрость

— Имейте в виду, ваш муж совершил серьезное преступление.

— Значит, я должна с ним развестись?

— Нет-нет. Мы не разрушаем семьи... Вы неправильно поняли.

Для нее контакт со следователем — единственная возможность узнать о судьбе мужа. Поговорить лишний раз со следователем она бы рада, но давать показания? Зачем? Ценность свидетельских показаний жены, сестры или матери вообще крайне сомнительна. Она не может быть беспристрастна, потому что она любит человека, который обвинен и, наверное, будет наказан. Оба они уже наказаны, и, по крайней мере, один обязательно невиновен — она. Но она уверена, что невиновны оба.

Нет, выступление жены-свидетельницы на суде так же странно, как выступление адвоката обвиняемого в качестве свидетеля. Пожалуй, в этом случае адвокат не должен быть адвокатом, а жена не должна быть женой. Впрочем, не слишком ли многого требует правосудие? И все зачем? Чтобы лишить ее права писать жалобы и требовать пересмотра дела?* Она, наверное, откажется давать показания, догадываясь о столь важной цели. Или она будет «благоразумна»? Нет, оснований для ее отказа слишком много.

Если бы ее привлекли к ответственности за отказ от дачи показаний, сакраментальная цель следствия не была бы

* На суде свидетельница-жена обычно долго сидит в коридоре и ждет вызова в зал суда для дачи показаний. Чаще всего ее допрашивают последней.

достигнута вообще. Скорее наоборот. Над женой, не желающей свидетельствовать против собственного мужа, проводить суд при закрытых дверях нельзя. Нет никаких оснований. Если и на этот раз в зале суда не окажется мест, придется думать, что там сидят лишь одни подсудимые. И тогда — непереносимые протесты. Запад, где такого нет в помине, настолько подорвет престиж бедного правительства, что еще более бедная Америка наверняка откажет нам в кредитах. А в том, что не будет кредитов, несчастная женщина не будет виновата, во всяком случае, юридически. Советское право различает, как всем известно, только два вида вины: неосторожность и умысел.

Встретил свою приятельницу. И вот сразу две новости: одна хорошая, другая — плохая. Вначале, конечно, хорошая: машинистка уже оправилась от перелома ключицы и скоро закончит печатание рукописи. Плохая новость заключается в том, что плата оказалась слишком большой. Денег, разумеется, мне не жалко, но высокая плата, как видно, обусловлена «опасностью» работы.

А разве за «опасность» платить деньги не опасно? Любой следователь без труда убедит машинистку, что, получая большую плату не за труд, а за страх, она сознавала, что совершает преступление. Высокая плата будет единственной и достаточно хорошей уликой. Приятельница не согласилась с моими доводами. Она все время повторяла, что машинистка «очень надежная». Но я так и не понял, зачем из надежной машинистки делать ненадежную?

В конце концов мы любезно попрощались. Я договорился передать еще одну дополнительную страницу с выдержками из последнего допроса, как раз по поводу этой самой рукописи. Ее лучше поместить в конце, на обложке.

В чистом поле закона

Ваше дело ошиблось.
Приговор? Оставляется в силе.
Справедливая ошибка.
Решение не может меняться,
И обжалованию ваш ушиб
Или наша ошибочка не подлежит.

Перевод с испанского

По всем сферам нашего бытия демократия расселилась неравномерно. Есть места, где ее почти нет, а есть места, где ее много (сравнительно много). Как ни странно, из всех видов общения простого смертного с властью имущими (где бы то ни было: на профсоюзном собрании, в суде, в обычном учреждении, в прокуратуре и т.п.) максимальная справедливость будет соблюдаться только в одном случае — на допросе в качестве свидетеля по уголовному делу. Так уж получилось.

Если проанализировать основные события за последнюю четверть века, нетрудно найти причину, но, к сожалению, у нас (всегда!) нет времени проанализировать, поэтому лишь сделаем к заявленному факту огорчительное добавление: наш маленький островок относительной справедливости (т. е. процессуальное право) систематически испытывает давление со стороны окружающей пучины. Причем заметную роль здесь играют некоторые представители правозащитного движения. Отстаивая справедливость, они довольно часто игнорируют допрос, как законную и вполне демократическую процедуру. В итоге они способствуют подавлению той малой доли демократии, которая уже имеется. Происходит это незаметно.

Начнем с того, что никому не хочется читать уголовно-процессуальный кодекс и думать о допросе. Думать о допросе все равно, что думать о неприятном. Зачем думать о допросе, когда на него можно вовсе не пойти? Вы хотите избежать допроса? Но бессмысленно стремиться избежать того,

что неотвратимо. Хуже всего на допросе почему-то тем, кто хочет его избежать.

Кроме того, следователь такой же патриот своего дела, как, например, продавец в гастрономе. Разница в том, что следователь огорчится вашей неявке еще меньше, чем продавец гастронома, если вы к нему не придете за гречневой крупой. Возникшее свободное время следователь проведет с пользой для себя, а начальству скажет, что пока с вами продолжают нянчиться, толку никакого не будет.

Таким образом, отказываясь от показаний без особой нужды или из-за трусости, вы делаете хуже и себе, и другим. Вы пренебрегаете законом, насколько можете. Тем самым вы способствуете пренебрежению законом со стороны тех, кто имеет гораздо большие возможности пренебрегать им.

Ваши правдивые показания — разве они не лучший способ помочь невинному человеку, попавшему в тюрьму? Разве они не лучший способ протеста против лжи и беззакония?*

* Если ваш товарищ несправедливо, необоснованно арестован, то, чем писать протесты, куда проще написать следователю, чтобы тот вас допросил в качестве свидетеля по делу. А протест можно изложить и в протоколе.

Отчего все-таки не позволить себе небольшую хитрость?

Следователь: Какова цель записей, которые вы вели на допросе?

Свидетель: Я не уверен, что ваш вопрос имеет отношение к делу.

Следователь: Но вы подтверждаете, что на допросе делали записи и пришли с готовыми записями?

Свидетель: Нет, не подтверждаю.

Здесь возникла пауза, в течение которой мы с любопытством глядели друг на друга. Затем он начал говорить чепуху, мне стало жалко его, и я чистосердечно признался: «Не подтверждаю, поскольку это не соответствует моим интересам».

Конец протокола второго допроса по делу А. Твердохлебова

Вы вовсе не обязаны обсуждать со следователем текст своего ответа перед тем, как занести его в протокол, но можете это сделать, если желаете, например, узнать, какой вариант его устраивает меньше. Когда в Москву приезжает с визитом дружбы президент США, следователь, по-видимому, не захочет упоминания в протоколе ЦРУ, а тем более «Голоса Америки». Конечно, следователи попадают разные, в том числе хитрые и очень хитрые. Но требования, предъявляемые ими к протоколу, всегда более или менее стандартные. И тут целиком можно положиться на восточную пословицу: «Выслушай жену и сделай наоборот». Но и этого мало. Вы, читатель, к сожалению, дилетант. А существует мнение, что только юридические знания позволяют угадывать намерения следователя. Он тихо идет к своей цели, но оставляет следы мелких нарушений, «ошибочек».

Восполним же пробелы в этих юридических знаниях.

О чем говорит закон?

Свидетель: Вы допрашиваете меня как свидетеля. Не окажется ли потом, что мне, например, в качестве обвиняемого представят мои же показания, данные ранее в качестве свидетеля?

Следователь: Уголовно-процессуальное законодательство предъявление таких доказательств не запрещает.

Свидетель: Позволю себе заметить, что это не так. Совсем недавно* Верховный Суд СССР отменил приговор в связи с тем, что в обвинительном заключении использовались показания обвиняемого, данные им в качестве свидетеля, что существенно нарушило право обвиняемого на защиту.

Следователь: Во-первых, я не говорил об использовании показаний свидетеля против него же, когда он становится обвиняемым. Случай использования таких показаний в обвинительном заключении — частность. Во-вторых, предположим, я знаком с практикой Верховного Суда СССР, вы же с ней не знакомы. Так что толку от моего знакомства, арестовываю ведь я, а не вы? (Из протокола допроса автора по делу по делу А. Твердохлебова. Допрос вел следователь Московской прокуратуры Пономарев, июнь 1975 г.)

Известна пословица: «Закон что дышло...» По-видимому, она относится не к самому закону, а его толкованиям. Но столько раз приходилось наблюдать, как даже самые заядлые скептики верят в закон слепо и послушно. Представьте себе такое.

Два писателя Х. и М. не были соавторами и поэтому обвинялись в написании каждый своего произведения. Так как

* Постановление Верховного Суда СССР, на которое я ссылался, приведено ранее... Читатель легко заметит, что я плохо подготовился к допросу: моя ссылка оказалась неточной. Если бы я тогда был более точен и если бы к тому же знал, что Верховный Суд не отменял приговора, а просто вынес «полезное» постановление, моя позиция в споре выглядела бы, несомненно, более убедительно. Однако что толку?

они были знакомы, М. предстояло выступить на судебном процессе по делу Х. Будучи арестованным, М., естественно, не мог сходить в библиотеку и прочесть в Кодексе, сколько ему полагается за отказ от дачи показаний. Он не нашел ничего лучшего, как спросить об этом у судьи, и, подумав, судья ответил: «Семь лет».

— Неужели, — удивился М., — Так много?

— Семь лет, — повторил судья.

И любопытно, судья был «по-своему» прав, а, впрочем, наверное, потому что М. не пришло в голову попросить прочесть соответствующую статью закона. Судья имел, очевидно, в виду, что отказ от дачи показаний повлечет за собой обвинение М. не по ст. 182 (отказ от показаний), а по ст. 70 УК РСФСР (соучастие в антисоветской агитации). Подробно об отказе от дачи показаний я расскажу позднее.

Закон устроен так, что кое-что он утверждает прямо и конкретно, а кое-что из него вытекает неохотно («по логике вещей»). Иногда даже удается понять, почему.

Уголовный кодекс (УК) и Уголовно-процессуальный кодекс (УПК) РСФСР нетрудно получить в библиотеке. Хорошо бы сразу взять с «Комментариями» к этим кодексам. Там можно прочитать все, что вас интересует. Кстати, неплохо эти книги иметь дома. И совсем неплохо взять их с собой на допрос.

О том, как вызывают свидетеля, говорится в статье 155 УПК*. Она не требует указывать в повестке дело, по которому вызван свидетель (наверное, кому-то это выгодно). Впрочем, об этом расскажет следователь в самом начале.

Ст. 158 УПК, приведенная выше, определяет порядок допроса свидетеля, обязанного правдиво отвечать на вопросы (по делу) только с момента предупреждения об ответственности

* Ст. 155 УПК. Свидетель вызывается к следователю повесткой, которая вручается под расписку. В повестке должно быть указано, кто вызывается, куда и к кому, день и час явки, а также последствия неявки.

за отказ и уклонение от дачи показаний (ст. 182 УК) и за дачу заведомо ложных показаний (ст. 181 УК). К сожалению, житейские представления о допросе часто и во многом основаны на ложной аналогии с беседой в парткоме или скандалом в райисполкоме. В действительности, все выглядит абсолютно иначе: не так важно то, что свидетель скажет, как то, что напишет, вернее, подпишет. Согласно ст. 158 УПК допрос начинается «предложением свидетелю рассказать все ему известное об обстоятельствах, в связи с которыми он вызван на допрос». Только после этого следователь задает вопросы. Если порядок нарушен, свидетель вправе отказаться от допроса на основании ст. ст. 13 и 14 УК, но об этом после.

Рамки задаваемых вопросов очерчены неодинаково. С одной стороны, следователь не имеет права спрашивать о том, что не относится к делу (это вытекает по смыслу из ст. 74 УПК), с другой стороны, он не должен задавать наводящих вопросов (так прямо утверждает ст. 158 УПК). Вообще, он обязан обосновывать законом всякий свой шаг, стоит только этого потребовать. Следователь обычно с самого начала хочет писать протокол сам. Вам надо напомнить ему о своем праве не подписывать его текст (согласно ст. 142 УПК). И еще нужно потребовать, чтобы он понятно объяснил, что, собственно, расследуется, хотя об этой его обязанности в кодексе не написано достаточно четко. Следователь может даже не назвать фамилии обвиняемого, если, допустим, она еще точно не известна ему. Кстати, профессиональные тайны следствия охраняет ст. 184 УПК. Но, в свою очередь, свидетель не обязан уразуметь все с полуслова. Ведь в ст. 78 УПК (обязанности свидетеля)* и ст. 74 УПК** (показания свидетеля) речь идет о показаниях свидетеля только по делу.

* Ст. 78 УПК: «Свидетель обязан... дать правдивые показания, сообщить все известное ему по делу и ответить на поставленные вопросы».

** Ст. 74 УПК: «Свидетель может быть допрошен о любых обстоятельствах, подлежащих установлению по данному делу, в том числе и о личности обвиняемого, потерпевшего и о своих взаимоотношениях с ними. Не могут служить доказательством фактические данные, сообщаемые свидетелем, если он не может указать источник своей осведомленности».

Не надо забывать, что тот, кто вынужден свидетельствовать против самого себя, вовсе не свидетель. (Мы уже цитировали по этому поводу Бюллетень Верховного Суда СССР, а читатель, наверное, вспомнил сито «Л».)

Перед допросом свидетелю сообщают о его обязанностях и правах (ст. 73 УПК и Комментарии к ст. 160, п. 1). К сожалению, право на собственноручные показания не входит в перечень того, что считается необходимым сообщить. В УПК это изложено в форме «возможности». Итак, свидетелю должна быть предоставлена возможность написать свои показания собственноручно, почему-то только после дачи им устных показаний (ст. 160 УПК*). Однако письменные показания могут быть полнее устных и даже абсолютно от них отличаться.

Понятно, что следователь, предоставляя вам протокол, хотел бы знать наперед, что вы там напишете. Навстречу его пожеланиям идет ст. 160 УПК, сформулированная столь странным образом. Вы же хотите, чтобы следователь не мешал писать, и не хотите заранее сообщать ему свой текст. Он ссылается на ст. 160. Вы — на здравый смысл. Кто же оказывается прав? Вы**. Тем более, что при допросе свидетеля (как и при допросе обвиняемого) недопустимы «приемы», основанные

* Ст. 160 УПК: «Показания свидетеля записываются в первом лице и по возможности дословно. В случае необходимости записываются заданные свидетелю вопросы и его ответы. Свидетель имеет право требовать дополнения протокола и внесения в него поправок. После дачи свидетелем показаний, в случае его просьбы, ему должна быть представлена возможность написать в протоколе свои показания собственноручно, о чем делается отметка в протоколе допроса. Показания подписываются свидетелем и следователем».

** При столкновении закона со здравым смыслом нередко одерживает победу здравый смысл. Например, закон требует привлечения к ответственности за отказ от показаний жены обвиняемого, или закон требует привлечения к ответственности за отказ от службы в армии (допустим, по религиозным мотивам). Однако и то, и другое требование с точки зрения здравого смысла неразумно. Здравый смысл побеждает. Хотя радости мало: побеждает, во-первых, здравый смысл не ваш, а их, а во-вторых, справедливость торжествует путем принижения закона. Есть ли что-либо более опасное? (*Примечания и дополнения читателей*)

на физическом принуждении, угрозах, ложных утверждениях и обещаниях (см. Комментарий УПК, п. 13 к ст. 158). И, кстати, недопустимо отвечать, если на тебя кричат, точно так же как и врать, если тебя запугивают. В таких случаях свидетелю лучше (изложив мотивы) на основании ст. ст. 13 и 14 УК либо требовать допроса в присутствии прокурора, либо просто отказаться от показаний, либо отказаться подписывать протокол. Последнее возможно, например, и тогда, когда протокол содержит ошибки, неточности. Ст. 142 УПК предоставляет свидетелю возможность написать о причинах отказа от подписи. (Но возможность — это не обязанность.)

В конце допроса свидетель, прочитывая весь протокол полностью, пишет замечания и добавления (ст. 160 УПК), если они у него есть. Аналогичное право предусмотрено при использовании звукозаписи на допросе (см. ст. 141 УПК). Применять ли звукозапись на допросе, решает следователь. Согласия допрашиваемого не требуется. Он только должен быть уведомлен об этом заранее, причем до начала допроса. Не разрешается вести звукозапись выборочно. И она не заменяет протокол, а служит лишь дополнением к нему. Очень важно, что свидетель имеет фактическое право ходатайствовать о применении звукозаписи, а следователь, отказывая в этом ходатайстве, вынужден указать мотивы отказа.

Порядок допроса на очной ставке определен ст. 163 УПК. Тут есть небольшие добавления к уже упомянутым требованиям протокола. Главное, что на очной ставке вопросы имеют право задавать друг другу оба участника.

Согласно ст. 184 УПК свидетель несет ответственность за разглашение данных предварительного следствия без разрешения следователя или прокурора (до 6 месяцев исправительных работ, т. е. вычета 20% зарплаты). У свидетеля могут взять подписку о неразглашении (ст. 139 УПК). Хотя закон и не предусматривает ответственности за отказ от такой подписки, никогда не бывает лишним выяснить, что же все-таки

нельзя рассказывать. Незаконна, разумеется, всякая подписка о неразглашении сведений, полученных в результате протокольной беседы, подписка, запрещающая сообщать о фактах вызова в КГБ или куда-нибудь еще*.

Итак, знание законов, безусловно, полезно. Не надо лишь преувеличивать эту пользу. Не так уж плохо быть дилетантом и чего-то не знать. Главное — понимать ситуацию не в силу определенного закона, а в силу собственных представлений о законе. Если ваши требования или претензии не имеют необходимых ссылок на статьи кодекса, это вовсе не мешает добиваться справедливости, апеллируя исключительно к здравому смыслу. Чтобы убедить читателя, я приведу ряд норм польского законодательства, которых у нас нет в столь четком и прямом изложении.

Ст. 161 УК ПНР запрещает допрашивать в качестве свидетелей духовных лиц, узнавших какие-то сведения на исповеди. Ст. 165 УК ПНР гласит: «§ 1. Лицо, близкое к обвиняемому, может отказаться от дачи показания. § 2. Это право существует, несмотря на прекращение брака или усыновления». Ст. 247 УПК ПНР, § 8: «Не подлежит наказанию тот, кто, не зная о своем праве отказаться от показаний или от ответа на вопрос, дает ложные показания из-за опасений уголовной ответственности, которая угрожает ему или его близким».

Да, таких положений нет в нашем кодексе. Но ничто не мешает вам сослаться на них как на выражение ваших собственных представлений о социалистическом правосознании или просто справедливости. Социалистическое правосознание — это не только советский кодекс.

Все, о чем мы говорим сейчас, — обычные нормы морали, знание законов тут не при чем. Всякий взрослый и разумный человек регулирует свое поведение вовсе не законами, а обычной моралью. Если подумать, это не так уж мало.

* Всякие обязательства, которые ограничивают правоспособность, недействительны (см. ст. ст. 12 и 41 Гражданского Кодекса РСФСР).

Скорее, наоборот. Не нужно излишне ослеплять себя лучами закона. Закон! Всегда ли понятно, что это такое? Вот вам пример: в Комментарий к УПК на стр. 172 написано, что в необходимых случаях разрешается учинить «личный обыск... с осмотром одежды и тела». Но если жертва «препятствует обыску», то он (обыск) «может быть произведен принудительно», хотя «при этом», как ни странно, «не должны допускаться действия, унижающие достоинство обвиняемого». Разумеется, я ничего не понял. Да и надо ли понимать?

Опять он хитрит

Свидетель: Свои вопросы вы записываете в протокол. Почему мои вопросы вы не записываете в протокол?

Следователь: Что вы хотите конкретно?

Свидетель: Вы сказали, что сочувствуете обвиняемому. Поэтому я спросил: «Не мешает ли вам, как следователю, тот факт, что вы сочувствуете обвиняемому?» Вы почему-то не ответили.

Из рассказов о допросе

Максимальная ответственность за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний различна. Одно дело — вычеты 20% зарплаты в течение полугода (за первое), и совсем другое — лишение свободы до трех лет (за второе). Обратите внимание, что следователь, предупреждая вас об ответственности по ст. ст. 181 и 182 УК, как будто не замечает разницы между этими статьями. Кроме того, говоря о ложных показаниях, он упустил слово «заведомо», а ведь ложь бывает и незаведомая, от невнимания, рассеянности, забывчивости. Почему же он, опытный, упустил столь важное слово?

Свидетель должен подписать каждую страницу протокола; следователь, получая его подпись на какой-нибудь странице, эту страницу прячет и больше не показывает. Следователь не пишет на первой странице название дела, но оставляет для него пустую строчку. Почему он так поступает? Вам нетрудно понять его конечную цель — она незамысловата. А если вы его ловите с поличным, свое мнение вы вправе записать в протоколе, поскольку обязаны говорить правду. К сожалению, только один из вас дал в этом подписку. Однако следует быть осмотрительным и тактичным. И нет таких рецептов, коих надо придерживаться слепо. «Вы ведете себя абсолютно не в соответствии

с собственными рецептами», — скажет мне следователь (когда-нибудь).

«Наверное, ловит», — подумаю я и скажу: «А почему вы уверены, что я автор этих рецептов?» Так скажу я, пусть даже я автор этих рецептов. Нет, здесь вовсе не ложь.

Вообще, если говорить очень и очень серьезно, ложь — это прожорливый паразит на болезненном теле правды. Ложь всегда поедает правду. Вот оттого, наверное, правда иногда так плохо выглядит.

У вас возникли мысли и опасения (рассуждения)

— Борьба, которую вы ведете, по-моему, бессмысленна. Результат предрешен, потому что результат — это суд, а суд — комедия.

— Если считать суд комедией, то нельзя не заметить, что сценарий такой комедии пишет следователь в соавторстве с теми, кого послала ему судьба. В случае плохого сценария суда может не быть.

Из беседы автора с одним из читателей рукописи

Представьте себе мнение, обоснованное ссылкой на ст. 5 УПК и на п. 3 Комментария к ст. 5 УПК (обстоятельства, исключющие производство по делу), а именно: «малозначительность содеянного и отсутствие в связи с этим общественной опасности или отсутствие состава преступления». Вы полагаете, например, что расследованием такого дела можно нанести ущерб престижу правосудия, т. е. само расследование общественно опасно. В таком случае вы вправе отказаться от дачи показаний, мотивируя свой отказ ссылкой на ст. ст. 13 и 14 УК. Ниже они цитируются.

«Не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного кодексом, но совершенное в состоянии необходимой обороны, т. е. при защите интересов Советского государства, общественных интересов, личности или прав обороняющегося или другого лица от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, если при этом не было допущено превышение предела необходимой обороны» (ст. 13 УК).

«Не является преступным действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного кодексом, но совершенное в состоянии крайней необходимости, т. е. для устранения опасности, угрожающей интересам Советского государства, общественным интересам, личности или правам

данного лица или других граждан, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена другими средствами, если причиненный вред является менее значительным, нежели предотвращенный вред» (ст. 14 УК).

Так вот, отказываясь от показаний, вы желаете предотвратить общественно опасное посягательство (ст. 13), которое состоит, допустим, в попытках следствия обвинить К. противозаконно, а тем более с использованием незаконных методов. Ваши действия продиктованы «крайней необходимостью» (ст. 14), поскольку иного пути как отказ от показаний вы не видите. Спор о том, что является необходимой обороной, а что не является — не бессмысленный, хотя и тяжелый. Еще есть так называемая «мнимая оборона» (мнимой крайней необходимости почему-то нет).

Все это лучше обдумать заранее, до того, как вы начнете оборонять закон.

Интересно, что Кодекс, предусматривая уголовную ответственность за недонесение в отношении таких особо опасных преступлений, как шпионаж, диверсия, террористический акт и т. д., не предусматривает того же в отношении преступлений по ст. 70 («антисоветская агитация и пропаганда») и по ст. 90 («распространение заведомо ложных...»). Это не случайно. Здесь заложено косвенное признание того важного факта, что признаки преступлений, предусмотренных ст. ст. 70 и 190–1, столь хитры, что обычному человеку их и усмотреть трудно. А, с другой стороны, неосторожное, неправильное понимание и использование этих статей приводит, как показывает опыт, именно к действиям, порочащим советский общественный строй, подрывает и ослабляет его. Отсюда требования к исключительной внимательности следствия, а не к утонченной его хитрости.

Предстаньте себе: К., прочитав некую «антисоветскую» рукопись, захотел написать на нее «достойную отповедь». Допустим, К. советовался с друзьями и знакомыми и тем

совершил преступление: распространял клевету. Но, понимая вред рукописи, он действовал в соответствии со ст. 13 УК. А если бы написать «достойную отповедь» его просила редколлегия журнала «Коммунист»? Он не нес бы сейчас никакой ответственности? В чем же виноват К.? В том, что не согласовал свою работу с редколлегией журнала? Конечно, если К. сознался и раскаялся, его легче судить. «Распространение измышлений, ложность которых неизвестна распространяющему лицу, а равно и высказывание ошибочных оценок, суждений, предположений, не есть преступление» (см. Комментарий к УК РСФСР, ст. 190–1). Преступление это должно быть умышленным.

«Статья не предусматривает ответственности за хранение произведений, содержащих ложные измышления, порочащие... строй, если нет цели их распространения» (Комментарий к УК, ст. 190–1, п. 10).

Статья 70 УК говорит о несколько другом, об «агитации и пропаганде, проводимой в целях подрыва и ослабления Советской власти». А это не только «распространение взглядов и идей, выражающих ненависть к советскому строю, стремление свергнуть советскую власть, отказаться от завоеваний социалистической революции», но и, к сожалению, «тому подобные деяния, совершаемые в угоду антисоциалистическим силам» (Комментарий к ст. 70 УК)*.

* Не слишком ли емкие слова — «тому подобные деяния»? (Примечание автора). Читателя, вероятно, полезно познакомить с мнением юриста. Вот выдержки из выступления адвоката Семена Львовича Арии на процессе Галанскова, Гинзбурга и др. в январе 1968 г.: «... Надо прежде всего четко определить юридические рамки понятия преступной антисоветской агитации и пропаганды. Если не определить такой строгий правовой критерий, любая критика государственных институтов, авторитетных работников и отдельных мероприятий может стать поводом для уголовных репрессий... В одном научном пособии, изданном два года назад (нет нужды его цитировать), можно прочесть, что авторы считают невозможным привлекать к ответственности за такие действия, как: а) оскорбительные выпады против руководящих деятелей; б) пересказ политических анекдотов; в) пересказ враждебных

И все-таки, как бы то ни было, нельзя не усомниться в том, что один человек, давая читать своим близким какую-то рукопись, написанную пусть даже в угоду «антисоциалистическим силам», способен оклеветать, а тем более «подорвать» такую большую страну, как наша, где, кстати сказать, миллионы людей уничтожались в далеком прошлом «просто по ошибке».

Да и не то нас тревожит, что ошибки еще случаются, а то, каков способ устранения ошибок.

Был бы Хрущев, к примеру, устранен со своего поста, как Никсон со своего, возможно, и не было бы вовсе тех опасений. Некоторые даже считают, что заслуга Хрущева состояла как раз в том, что его все-таки можно было снять.

радиопередач, и т. д. ... С ростом и укреплением силы и могущества советского государства посягательства в виде устного или печатного слова становятся для него менее опасными. К этому надо добавить, что более опасными становятся те, кто привлекает за такие посягательства... Ст. 70 УК РСФСР четко устанавливает обязательные признаки состава преступления: а) прямой антисоветский умысел, т. е. цель подрыва или ослабления советской власти; б) заведомая ложность, т. е. явно клеветнический характер распространяемой информации; в) направление клеветы против советского общественного или государственного строя (именно против строя, а не против отдельных учреждений, лиц и мероприятий). Совершенно очевидно, что под понятие строя может подходить лишь то, что прямо предусмотрено соответствующими главами Конституции». *(Примечания и дополнения читателей)*

Надо ли отказываться от показаний?

Я был возмущен попыткой обмануть меня, поэтому чистосердечно признался, что презираю и его самого, и его дело. Он спросил: «Означает ли это отказ от показаний?» Я ответил: «Нет». Но, к сожалению, потом он убедил меня отказаться от показаний.

Из рассказов о допросе

Известно, что санкции за отказ от показаний незначительны, но когда этим станут злоупотреблять, наказание может быть легко пересмотрено и окажется в конце концов более суровым. Ясно, таким образом, что злоупотреблять отказом от показаний не надо. С другой стороны, если, отказываясь от дачи показаний, вы становитесь, с точки зрения следователя, «пособником преступления», и он угрожает вам, допустим, семью годами, то вы вправе не давать показания (разумеется, сито «Л»). Вы всегда имеете право отказаться от дачи показаний, если вам угрожают чем-либо, кроме санкции по ст. 182 УК (сито «Д»).

Многие политические процессы последних лет вызвали протесты именно фактами нарушения закона. Зачастую суд, обвиняя в клевете, не опровергал клеветы. Не допускается даже, что подсудимый, распространяя ложь, мог верить, что утверждает правду (т. е. факт заведомой лжи — как того требует закон — не устанавливался). Спрашивается, можно ли такие нарушения использовать как причину отказа от любых показаний по любым политическим делам вообще? Вопрос, конечно, трудный, но ответ простой — нельзя.

Как вещь нехитрая, отказ от показаний имеет достаточное число горячих поклонников: «Что с ними, со сволочами, разговаривать?» А ведь то же самое может сказать следователь своему коллеге.

Нет, заранее отказываться от показаний, пожалуй, глупо и в известном смысле — аморально. По существу, это означает отвергать закон. Человек, отвергающий закон, не способен защитить себя законом и в этом смысле он солидаризируется со своими врагами. Закон необходимо отстаивать. По-всякому, но законно. Отказываться от этого нельзя*.

* Кроме того, следует обратить внимание также и на то, что ваши показания обязательно прочтет обвиняемый. Для него, сидящего в тюрьме, ваши слова — добрая весть с воли.

Ряд существенных выводов

Вопрос: Давали ли вы читать своей жене изъятую у вас на обыске рукопись?

Ответ: Как я понимаю, чтобы предъявить мне обвинение, следствию нужно доказать, что рукопись содержит клевету и что я распространял эту клевету, давая читать рукопись, например, своей жене. Не так ли?

Вопрос: Почему вы уклоняетесь от ответа?

Ответ: Вам это кажется, потому что вы недостаточно энергично заставляете меня помогать вам предъявить мне обвинение.

*Из протокола предполагаемого допроса,
написанного одним из читателей*

Когда у Льва и Ягненка одни и те же права — дела Ягненка плохи.

*Из одной статьи западного артиста,
изъятая у автора на обыске в 1977 г.*

Демократизм допроса покоится, можно сказать, на трех китах.

Во-первых, санкция за отказ от показаний незначительна. Это дает свидетелю некоторую свободу*.

Во-вторых, такая свобода укрепляется ограничениями для следователя, т. е. наложением запретов на все те действия следователя, которые способны оказывать давление на свидетеля, в частности, запрета «наводящего» вопроса**.

И, наконец, в-третьих — все то, что является дополнительными правами свидетеля и лишь обязанностью для следователя. Главным образом здесь право не подписывать протокол

* Маленькая санкция, так же как и запрет наводящих вопросов — это атрибут некоторой демократии нашего общества, дань тому ужасу, который называли «культуром личности».

** Фактически запрещается любая форма «наводящего» поведения, наводящий вопрос — это наиболее изощренная форма.

и отдельно от него право изложить в протоколе причину его неподписания, как и любые свои замечания*.

Понятно, что когда нарушен хотя бы один из упомянутых трех принципов, следствие рискует получить явное вранье вместо правды. И все-таки третий кит держит свою ношу не совсем безупречно: в УПК в явной форме не написано о праве отказа от ответа или показаний, если они способны повредить свидетелю или его близким. Однако в УПК нет этих прав лишь в явной форме. Любой свидетель в каждом конкретном случае, в конце концов, может настоять на своем. А если смотреть шире, то как раз утверждение этих прав и есть одна из основных задач демократического движения в СССР и в области процессуального законодательства.

* Еще пример. Следователь обязан взять подписку со свидетеля, предупреждающую об ответственности по ст. ст. 181 и 182 УК РСФСР. А свидетель вправе с этим повременить или просто отказаться взять подписку. Короче говоря, не все то, что обязан требовать следователь, обязан выполнять свидетель.

Неторопливое окончание

Следователь: Вы вновь уклоняетесь от ответа. На предыдущем допросе я обратил внимание на это и прекратил в связи с этим допрос.

Свидетель: На прошлом допросе вы действительно предупредили меня о том, о чем пишете. Но прекращение допроса, как я понял, было связано с другими причинами: вы куда-то торопились тогда, и сейчас тоже торопитесь. Что же касается дела, то, к сожалению, обвинения, предъявленного Твердохлебову, я так и не знаю. Зато некоторые ваши вопросы заставляют меня понимать свою роль не как свидетеля, а как подозреваемого. Таким образом, становясь подозреваемым, я перестаю быть свидетелем. Хотя, с другой стороны, я понимаю ваше намерение запугать меня. И как хорошо, что это намерение незаконно. Я полагаю, что обвинение в отказе и уклонении от показаний мне не будет предъявлено вовсе. Я полагаю, что мелкие нарушения следствия не обязательно должны перерасти в крупные, хотя, к сожалению, одни ошибки часто предполагают другие...

Следователь: Я прекращаю допрос, так как вы систематически уклоняетесь от ответов.

Свидетель: Вы в третий раз в течение сегодняшнего дня пугаете меня прекращением допроса. Делаете вид, что прекращаете, а потом все начинается сначала. Согласитесь, по крайней мере это несерьезно. (Из протокола допроса по делу А. Твердохлебова, июнь 1975 г.)

Победы над следователем, к сожалению, — пирровы победы, наверное потому, что следователь — это элемент правосудия. Казалось бы, можно ли бороться с правосудием? Однако ничего не поделаешь, приходится бороться все-таки. Во имя, наверное, того же правосудия. Кстати.

Побеседуем о проблемах моральных (вроде бы не относящееся к делу чтение)

- Вы предлагаете играть со следствием в игру.
- Да, наверное, это так выглядит. Но правила игры написаны нечетко, следовательно, каждый участник интерпретирует их по-своему. Побеждает та интерпретация, которая менее противоречива. Ну, а то, что один из двух называет свою интерпретацию правил нравственными принципами — это его дело.

Из беседы автора с одним из читателей

Листая какую-то книгу для следователя, я поначалу не придал значения приведенной ниже цитате. Впрочем, ничего особенного. Под паутиной скучного текста большая мудрость не лежала, судите сами: «Использование технических средств фиксации информации для хода результатов следственного действия не требует соблюдения тех процессуальных норм, которые регламентируют применение этих средств для процессуальной фиксации (например, ст. 141 УПК РСФСР)».

Нет, конечно, можно гораздо проще. Например: доктор физико-математических наук А. замечал, что в моменты, когда между ним и следователем возникали споры, обычно звонил телефон. Следователь не говорил по телефону, а только слушал. Зато потом он всякий раз существенно менял свою позицию в споре. Словом, создавалось впечатление, что допросом руководит «невидимка», которого следователь будто бы стеснялся. Можно бы считать это домыслом ученого, но, с другой стороны, многого-то мы действительно не знаем. Если ни с того, ни с сего, например, судья делает перерыв на 15 минут, мы только рады. А зачем ему перерыв на 15 минут, никого не интересует, забот и так по горло.

Как-то именно в такие 15 минут я стоял в коридоре суда, размышляя над своим письмом по поводу некорректного

поведения судьи. Рассматривалось дело о неосторожной езде на собственном автомобиле одного желающего уехать в Израиль. Уголовные обвинения вместо политических — не новая мода. Но тогда я думал над письмом, оно казалось мне очень важным. А что в действительности было важным, я не знал.

— Запрещаю вам писать письмо, — сказал мне совсем не милиционер, а обвиняемый. Это, наверное, было самое важное, поэтому я с интересом спросил:

— Почему?

— Мой процесс, я имею право вам запрещать, — ответил обвиняемый.

Тут была, вероятно, какая-то логика, поскольку мудрые и добрые евреи, стоявшие рядом, сочувственно закивали:

— Раз Витя против, писать не надо. Это его процесс.

После перерыва в зал меня не пустили — на этот раз милиционеры. Они сказали: «Места нет!» Сзади кто-то сочувственно закричал: «Да ведь это его двоюродный брат! Двоюродный брат! Пустите его!» Но я не был двоюродным братом, и здесь мне не особенно хотелось им быть. То ли чувство брезгливости к вранью, то ли что-то другое, не знаю. Нет. Если он имеет право запрещать мне писать письмо у него на процессе, то я, по крайней мере, имею право не врать, где хочу? Ну, ладно. Я остался размышлять в коридоре.

А в зале между тем шел допрос жены обвиняемого. Потерпевшая неубедительно поясняла, как ей предлагали взятку. Жена подсудимого (она же свидетельница по делу своего мужа) говорила более убедительно. Наверняка ей поверили больше. Но в какой-то момент она переборщила:

— Я могу доказать, что не предлагала взятку.

— Как? — изумился судья.

— Все свои разговоры я записывала на магнитофон.

Ничего не поделаешь: бедная женщина не понимала своего собственного цинизма. Почему такое случается и кто виноват, можно думать сколько угодно. Но от судьбы, который до

этого случая беспричинно кричал почти на каждого свидетеля, все ожидали какой-нибудь реакции. Наверное, что-то ему мешало. Возможно, что-то происходило в течение 15-минутного перерыва. Кто знает? Не был ли сам судья опутан теми же проводами, что и злосчастные супруги? Во всяком случае, я надеюсь, что в его доме среди множества разных и полезных книг нетрудно найти ту, из которой я выбрал приведенную в начале цитату.

Отстаивая право, пусть даже такое пустяковое и бесспорное, как право купить билет на самолет и лететь куда вздумается, тоже необходимо заранее определить нравственные рамки дозволенного. Они не должны расширяться ни для скорейшей победы, ни с учетом коварства противника...

Нет, читатель, как только у вас окажется «достаточно» оснований считать Иванова «стукачом», мне будет неприятно с вами беседовать, тем более потому, что мы живем в стране, где в течение столетий миллионы людей уничтожались только по подозрению или, как теперь говорят, «по ошибке». Вспомните героев наших детских книг. Они публично клялись в том, что если изменят своим идеалам, то пусть их покарает рука их товарищей: то есть быстро, без суда. Вспомните, к чему приводит замена доказательств эмоциями.

Нет, уверяю вас, к нам не станут засылать стукача — побоятся. Сколько нелепых, ужасных мер пришлось бы предпринять, если бы стал известен весь тот вздор, который говорится у многих из нас дома изо дня в день.

Представьте, я, чудак, делю людей на две категории: симпатичных и несимпатичных. Однажды меня спросили:

— А если станет известно, что симпатичный человек — стукач?

— Я, разумеется, не поверю, — ответил я.

— А если он сам вам признается?

— Ну, тогда, по-видимому, он перестанет быть стукачом.

Я не спорю. Дабы сохранить свою безопасность, любое общество вынуждено терпеть тех, кто бесстыдно подслушивает и подсматривает ради его пользы. Однако, утратив обычный стыд совсем, оно может утратить и свою безопасность, то есть стать опасным для самого себя. Наверное поэтому один человек в силах победить даже целое государство, если только он владеет оружием, которым государство еще или уже не владеет. Это оружие — не знание, не сила, а лишь мораль и культура.

Я тщетно ищу рукопись, чтобы сделать необходимые выписки для своей приятельницы. Я спрашиваю у своих друзей: А., Б., В., Г., Д. По-моему, в худшем случае, каждый должен ответить коротко: «У меня нет». Так нет же: А. ответил, что, по словам Б., в его присутствии В., получивший рукопись от Г., передал ее Д.

Возникает вопрос: как культурно выразить большое чувство неудовольствия, которым я преисполнился? Рукопись не криминальна, все мы друг другу доверяем — это понятно, это известно. Но важно другое: по-моему, как бы мы ни доверяли, как бы ни было некриминально все, чем мы заняты, поступать следует по возможности так, чтобы на допросе каждый из нас имел максимальную возможность говорить правду*.

* Каким должно быть общение людей? Чрезмерная скрытность и конспиративность — это плохо, так же как и безудержная болтливость. Идеально — это интеллигентный культурный разговор людей ученых. *(Примечания и дополнения читателей)*

А если это не допрос, а беседа?

Милиционер, сказавший: «Прошу вас, пройдемте», был настойчиво вежлив. Я объяснил, что просьбу его выполнить отказываюсь, а требованию подчиняюсь. А уж потом моя готовность ответить на любой вопрос сразу и письменно настолько всех смутила, что никто не понимал, куда меня следует деть.

*Из рассказов о задержании
в 98 отделе милиции г. Москвы*

— Ваши вопросы просты, но мне трудно на них отвечать. Надеюсь, вы позволите объяснить, почему?

— Почему?

— Потому что я не понимаю, с кем говорю. Я не умею разговаривать, когда не знаю, с кем разговариваю.

Фрагмент беседы с сотрудником КГБ

Про беседу ничего в законе не сказано. Воля ваша, не хотите — не беседуйте. Впрочем, обстоятельства иногда вынуждают. И кто знает, наверное, они вынуждают и вашего собеседника. Как ни странно, положение у вас обоих иногда бывает почти одинаково. Если он, допустим, упрекает вас в неоткровенности, вы вправе в неоткровенности упрекнуть его.

Конечно, вы преспокойно беседовали бы «на равных», но боитесь неизвестных вам последствий. А каковы последствия? Где это узнать?

Если иметь в виду эти невидимые последствия, то любую неформальную беседу лучше сделать формальной с помощью заявления или письма. Во всяком случае, в качестве ответа на любой вопрос уместно дать обдуманное письменное объяснение. Таким образом, вы пишете, во-первых, о тех предложениях или разъяснениях, которые вам сделаны (о том, как вы

их поняли и от кого они исходили). Во-вторых, о вашей реакции на эти предложения или разъяснения.

Ниже приведены без комментариев два примера заявлений. Каждое из них в прошлом было связано с каким-то конкретным событием.

Первое заявление:

Объяснительная записка

*Такому-то от такого-то
(строго конфиденциально,
как вы сами просили)*

Уважаемый Любим Иванович!

Из беседы с вами 17 октября я понял, что вы определенно имеете информацию о моей виновности, непонятно только в чем. Действительно, некоторое время я занимался по системе йогов для улучшения здоровья. Не стану отрицать, что ходил в гости, но не более, чем к своим друзьям и знакомым, а потому не вижу в этом ничего предосудительного.

Любим Иванович! Нетрудно догадаться, что, расследуя какое-то непонятное мне преступление, вы выступаете не как представитель закона, а лишь в личном качестве, присваивая несвойственные вам функции. Я не очень разбираюсь в законах, простите, но, по-видимому, ваши действия подпадают под ст. 200 УК РСФСР: «Самоуправство» и еще ст. 171 УК РСФСР: «Превышение власти или служебных полномочий». Это, вероятно, все, что я хотел объяснить, Любим Иванович, по вашей, в сущности, просьбе...

Но, с другой стороны, я прошу впредь оградить меня, моих друзей, а главное, моих родителей от нелепых бесед с вами. Я же, если очень надо, всегда готов отвечать на любые вопросы, но только представителю закона. Иначе, наверное, и быть не может.

Подпись. Дата.

Второе заявление:

Чистосердечное раскаяние.

В компетентные органы.

Такому-то от такого-то проживающего.

Полагая долгое время, что «каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их», в настоящем заявлении я чистосердечно раскаиваюсь в том, что считал, будто это право включает «свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений, свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ». (Цитируется ст. 19 Всеобщей декларации прав человека).

Подпись. Дата.

Разговор читателей с автором

Вначале мне предложили беседу, чтобы сделать осведомителем, понимая, что я боюсь стать свидетелем. Потом они заставили быть свидетелем, допрашивали фактически как обвиняемого, а я между тем боялся стать обвиняемым.

Из рассказов бывалого человека

Уместный вопрос читателя к автору: Создается впечатление, что на беседе вы рекомендуете прибегать к шуткам типа «мне трудно ответить на ваш вопрос, поскольку я не несу ответственности за свои слова», или «мне трудно ответить, потому что я не знаю, с кем говорю». Не лучше ли совсем ничего не отвечать и попросту отказаться от беседы?

Ответ автора: Как поступить лучше, обычно подсказывают обстоятельства, но когда все-таки с опаской вы вступаете в беседу или, вернее, раздумываете, надо ли вступать, то очень важно подчеркнуть безусловную ценность всего того, чего ваш собеседник по существу вас лишает. В этом и заключается смысл упомянутых двух шуток. Обратите внимание: на допросе вам говорят, в чем состоит дело, по которому вы являетесь свидетелем; вам сообщают, кто ведет допрос; с вас берут подписку об ответственности за ложные показания.

Таким образом, вам трудно ответить на вопрос, поскольку, соответственно:

- вы не знаете цели вопроса,
- вы не знаете, с кем говорите,
- вы не несете ответственности за ваши слова (впрочем, ваш собеседник тоже).

Ведь на допросе спрашивают в протоколе, в то время как на беседе утверждают на словах. Но как понимать эти слова? Серьезны они или безответственны — неизвестно.

О том, как трудно готовиться к допросу

Его заинтересовали мои бумаги.

Следователь: Что у вас там написано?

Свидетель: Ничего особенного. Просто я знаю, о чем вы меня спросите, и заранее подготовил свои ответы на ваши вопросы.

Следователь: Интересно... Ну, а какой же, по-вашему, первый вопрос?

Свидетель: Где и когда познакомились с Твердохлебовым? И в каких вы с ним отношениях?

Следователь: Интересно. Что же вы написали? (Я охотно прочел.) А дальше?

Свидетель: Дальше: «Кого вы встречали в доме Твердохлебова?».

Следователь: Ну, и что же вы написали?

Свидетель: С удовольствием вам скажу, но лучше, по-моему, сразу в протокол.

Возражений нет. Я диктую. Он пишет вначале мой вопрос, потом мой первый ответ и т. д.

Из рассказов автора о допросе по делу А. Твердохлебова

Свидетелю Н., который хотел жить попроще, для чего намеревался уехать в Израиль, предложено было ответить на вопрос: «Давали ли вы деньги обвиняемому Д.?»

Рассмотрим оба варианта.

Первый вариант ответа: «Да, я давал деньги обвиняемому Д. Не вижу в этом ничего предосудительного».

Второй вариант ответа: «Не понимаю цели вопроса. Не хотите ли вы сказать, что, давая деньги Д., я финансировал преступление?»

Предположим, Н. выбрал первый вариант ответа и вообще поступил настолько опрометчиво, что в силу злого стечения обстоятельств в конце концов оказался обвиняемым.

Теперь по делу Н. вызывают свидетельницу Ц. Догадываясь, о чем ее должны спросить, свидетельница берет бумагу и, недолго думая, пишет проект своих показаний (вариант 1).

Затем, подумав хорошенько, приняв во внимание все известные обстоятельства, Ц. пишет вариант 2.

Читателю предложено оценить работу Ц. и решить, какой из двух вариантов лучше и почему.

Вариант 1

Свидетельница Ц.: Наши отношения всегда были дружескими. Я знаю Н. давно как необыкновенно честного, доброго и щедрого человека. Я не верю, что он совершил преступление.

Следователь: Давал ли вам Н. или его жена на хранение какие-либо вещи?

Свидетельница Ц.: Ни Н., ни его жена не давали мне никаких вещей.

Вариант 2

Свидетельница Ц.: О своих отношениях с Н. я не хотела бы говорить. Было в них и хорошее и плохое. Но как бы то ни было, нет ничего, что способно мешать даче правдивых показаний по его делу.

Следователь: Как вы охарактеризуете Н.?

Свидетельница Ц.: Н. — коллекционер. Но он честный, рассудительный человек, немного со странностями (как все мы, наверное). Вы его обвиняете в воровстве. Говорят, коллекционер способен совершить убийство. Н. трусоват, поэтому вам проще обвинить его в убийстве, и тогда он, наверное, сознается в воровстве.

Следователь: Вы сказали, что у Н. странности. Что вы имели в виду?

Свидетельница Ц.: Н. — человек вполне обеспеченный. Ни богатым, ни щедрым его не назовешь. Тем не менее, Н. способен малознакомому человеку дать деньги практически без всякой надежды получить их обратно. Я обратила внимание на эту странность потому лишь, что обладаю ей сама.

Следователь: Давал ли Н. или его жена какие-либо вещи вам?

Свидетельница Ц.: Ваш вопрос ставит меня перед выбором: либо «да», либо «нет» — либо я окажусь лгуньей, либо вы мне не поверите. Боюсь, ни в том, ни в другом случае мне не удастся сказать главную правду, а именно: я считаю, что независимо от того, получала я вещи от Н. с какой-либо целью или не получала, я обязана отказаться отвечать на ваш вопрос. Считаю, что так должен поступить каждый честный свидетель. Объясняю причину. Как известно, вы, сотрудник МВД, расследуете дело Н. В прошлую пятницу вы приехали ко мне домой на машине и повезли меня не то на допрос, не то на беседу. Неизвестно с кем и неизвестно куда. Вначале предполагалось ехать в ближайшее отделение милиции, потом в районное отделение КГБ, потом мы поехали на Лубянку, где выяснилось, что надо ехать за 70 км в г. Дмитров. Поскольку я отказалась ехать в Дмитров, вы взяли у меня 2 копейки и пошли в телефонную будку убеждать неизвестно кого в том, что я дерусь и не хочу ехать в Дмитров. Короче говоря, возникает определенная уверенность, что под видом расследования дела Н. совершается преступление против правосудия. Ничего, по-моему, иного не остается, как написать об этом в протоколе. Надеюсь, мне не нужно будет мои собственные, честно приобретенные вещи прятать у знакомых с целью спасти их от изъятия органами вашего следствия.

Следователь: У вас есть какие-либо основания считать, что Н. неправильно арестован?

Свидетельница Ц.: Будет лучше говорить не про основания, а про сомнения. Н. арестован по постановлению чиновника МВД. Незадолго до этого другой чиновник МВД сообщил, что Н. разрешено выехать в Израиль. Непонятно, неужели МВД готово ждать несколько лет, пока Н. исправится в исправительно-трудовом лагере, чтобы выпустить его в Израиль в качестве честного человека? Кроме того, судя по газетам, Израиль — тюрьма. Не получается ли, что отправляя Н. вместо Израиля в КПЗ, вы проявляете к «преступнику» Н. непростительную гуманность?

В замечаниях к протоколу свидетельница Ц. просит впредь вызывать ее только по повестке. Ни на какие беседы с сотрудниками КГБ она ходить не согласна. (Кстати, незадолго до ареста Н. ходил на такие беседы. Очевидно, они-то и виной всему.)

Деликатное добавление (Про наводящий ответ)

Следователь спрашивал дважды. Оба раза я ответила: «Не давал». В третий раз я решила поступить иначе. Я сказала: «Не видела, но думаю, что давал». Затем я подождала, пока он спросит: «Почему вы так думаете?» и с удовольствием ответила: «Я так думаю потому, что об одном и том же вы спрашиваете уже третий раз».

Из рассказов о допросе

Прежде всего, стоит ли горевать о том, что скрупулезная подготовка к допросу еще не стала всеобщей нормой? Категорический ответ вряд ли уместен. Борьба со злом требует какой-то тактики, но у Добра тактика должна быть естественной и неизощренной. А каковы методы свидетельницы Ц.? Ц. написала пока только черновик для себя, а не образец для всех нас. Не будь Ц. собирательным персонажем, она наверняка возмутилась бы тем бесцеремонным отношением к ее бумагам, которое позволил себе автор. И все-таки заглянем еще раз в эти бумаги, чтобы подумать, уж не хочет ли Ц. выгородить обвиняемого, используя хитрость.

Во втором варианте Ц. действует более «изысканно». Она маскирует свое желание помочь Н., не говорит, что ее отношения с обвиняемым хорошие, и называет его трусом. Наконец, зная оплошность, которую допустил Н., она специально говорит о его странностях, понимая, что следователь спросит, в чем состоят странности Н.

Здесь — типичный пример так называемого наводящего ответа: свидетель отвечает таким образом, чтобы вызвать постановку нужного ему вопроса. Можно ли считать подобную тактику честной?

Тактика честная — если свидетель говорит честно. Правда — основной критерий. Говорит ли Ц. правду, мы не знаем,

зато видим «ловкость рук» и сомневаемся. Спасать обвиняемого Н. — это не обязательно то же самое, что спасти закон и правосудие. Если мы станем хитростью выгораживать каждого, кто покажется нам честным человеком, мы забудем правосудие и всякую справедливость. Что же касается тактики наводящего ответа и вообще разных «маленьких хитростей» свидетеля, то существует мнение, что они оправданы в той же мере, в какой оправданы «маленькие хитрости» следователя. Однако это мнение ошибочно. От свидетеля всегда требуется гораздо большее правдолюбие — иначе ему, свидетелю, не победить, да и иного оружия, чем правда, у него нет.

Авторская неудача

По телефону он сказал, что вызывает на беседу. Из дальнейшего я понял, что предстоит допрос. Повестку он не послал — не было времени. Если он позволяет себе обманывать меня настолько откровенно, то нетрудно себе представить, что он говорит обо мне своему начальству или пишет в бумагах для служебного пользования. Я это непременно скажу ему...

Из размышлений автора, идущего на допрос. Сентябрь, 1979 г.

Рукопись, как видите, читатель, вышла довольно толстая. Автор как раз думал, как ее сократить, но неожиданно автора пригласили на допрос*. На этот раз пригласили не повесткой на дом (вручаемой, согласно ст. 155 УПК, под расписку), а телефонным звонком на работу. Понятно, автор (то есть я) тут же высказал подобающее для подобного случая возмущение и пошел готовиться к допросу. О чем будут спрашивать — неизвестно абсолютно! Зато известно, что надо спросить у следователя. Он нарушил ст. 155. Почему? Его объяснения попытаюсь занести в протокол. Если будет возражать, останется, наверное, либо отказаться отвечать на какие-то вопросы, либо отказаться подписывать предупреждение об ответственности по ст. ст. 181 и 182 УК.

Предупреждение об ответственности по ст. ст. 181 и 182 за все время меня просили подписать уже 12 раз, два раза я сам об этом просил (в частности, во время «беседы» три года назад о взрыве в метро). Однако не было ни одного случая, когда следователь без возражения и без искажений занесил бы в протокол все мои ответы. Теперь, размышляя о том же самом в пятнадцатый раз, необходимо решить, могу ли я нести ответственность за свои показания, если уверен, что

* Впрочем, до этого рукопись где-то изъяли на обыске и автора вызвали на допрос (четыре раза по сему случаю).

следователь станет мешать. А с другой стороны, полный отказ от показаний противоречит моим принципам. Как же быть? Посмотрим на месте. Кроме того, весьма вероятно меня спросят, я ли автор такой-то рукописи (например, этой). Дважды уже спрашивали. В любом случае, ответить не трудно. Если рукопись содержит призывы к насилию, к неповиновению властям и законам, если она содержит клевету и подрывает существующий в Советском Союзе строй — то ее написал не я. Хотя подождем ставить точку. Наверное, пришла пора на этот вопрос ответить более подробно, т. е. с указанием на все обстоятельства. Извольте.

Предположим, какого-то свидетеля вызвали на допрос в нарушение всего одной только ст. 155 УПК. Свидетель потребовал объяснения в протоколе — следователь воспротивился. В результате оказались нарушенными по крайней мере ст. ст. 142 и 160. Далее свидетель приходит домой и с возмущением пишет обо всех обстоятельствах своего допроса. Через некоторое время его рукопись где-то изымают и снова зовут свидетеля на допрос. На этот раз он должен признать свое авторство для того, чтобы помочь следствию незаконно его же преследовать. Теперь нарушается основной принцип правосудия. Как же свидетелю поступить? Что ответить?

И вот, допустим, здесь мои рассуждения прерывает читатель. Он не верит в правосудие.

— Был бы человек, — говорит, — а дело найдется. Если твоему следователю прикажут, он либо обвинит тебя в убийстве, либо сам тебя убьет.

— Ты полагаешь, — отвечаю я, — мой следователь уже созрел настолько, чтобы не понимать, что его самого после выполнения такого приказа отправят «в расход»? И все во имя чего? Во имя того, чтобы сделать недавнее прошлое ближайшим будущим? А тот, кто отдает приказ, будет ли он жить в безопасности? Впрочем, пусть я не прав, пусть я говорю неубедительно. Разве у нас есть выбор?

Нет у нас выбора. Нет. Поэтому я иду на допрос — иного не дано.

Я иду на Малую Лубянку, дом 12 «а». По Кузнецкому мосту, мимо всем известного здания напротив гастронома, где над слегка приоткрытыми дверями главного входа когда-то высекли из того же серого камня герб Советского Союза. Но вот прошло время и герб устарел. Теперь со всей очевидностью он символизирует устаревшие представления обитателей здания и, как знать, возможно устаревшие представления многих из нас.

А вот следователь, к которому шел на допрос автор, оказался просто халтурщиком*

— Теперь вы понимаете, что имели дело с анти-советчиком?

— То есть вы хотите спросить, могу ли я без достаточных оснований считать человека преступником? По-видимому, это способен сделать только суд.

Из беседы на допросе

Впечатление, что у него много забот и много дел. А тут вдруг начальство просит для коллеги из города Одессы допросить меня по какому-то нудному делу об «антисоветской агитации». Понятно, что он толком не знает, в чем дело, и очень торопится. Насколько я понял, его очень устроило бы, если бы я вовсе не пришел. Вот несколько отрывков из нашего разговора. Я записал его по памяти:

Свидетель: Скажите, мы не помешаем вашему коллеге, который чем-то занят за соседним столом?

Следователь: Нет, не помешаем.

Свидетель: Хорошо. Тогда давайте мы его впишем в протокол. Он поможет нам на допросе.

Следователь: Нет, он занят своим делом.

Свидетель: Хорошо. Тогда пойдете в другую комнату, чтобы ему не мешать.

Следователь: А мы ему не мешаем, он уже скоро заканчивает.

Свидетель: Хорошо. Тогда давайте подождем.

Следователь: Образование высшее?

Свидетель: Какое образование?

Следователь: Ваше образование.

Свидетель: Разве допрос уже начался?

Следователь: Начался.

* Автор мог бы догадаться об этом заранее, так как встречался уже с халтурщиком-следователем раньше и по тому же адресу.

Свидетель: Допрос начинается совсем не так. Посмотрите ст. 58 УПК.

Следователь: Что вы имеете в виду?

Свидетель: Я имею в виду нарушение порядка вызова свидетеля на допрос. Вы звонили мне на работу. Зачем?

Следователь: Я имею право так поступать. У меня есть служебная инструкция.

Свидетель: А нет ли служебной инструкции, позволяющей нарушать другие статьи УПК?

Следователь: Вы не хотите давать показания — так и скажите.

Свидетель: Я отказываюсь дать подписку, что предупрежден об ответственности по ст. ст. 181 и 182 УК.

Следователь: Почему?

Свидетель: Потому что вы нарушаете УПК. Я не могу нести ответственности за полноту и правдивость своих показаний: я не знаю, станете ли вы препятствовать моим показаниям или не станете.

Следователь: Не хотите подписывать — не подписывайте... При каких обстоятельствах вы познакомились с обвиняемым?

Свидетель: Хорошо, отвечу: я не помню обстоятельства своего знакомства с обвиняемым*.

В свое время, когда автор работал лифтером, его вызвал на допрос следователь ОБХСС. Приведенный ниже диалог автора с этим следователем, наверное, был бы хорошим эпиграфом ко всей главе, если бы не был таким длинным. Вот он.

Следователь: Работаете ли вы сутками? Ответьте. И тогда я запишу в протокол сразу и свой вопрос, и ваш ответ.

Свидетель: Хорошо, пишите: «Я затрудняюсь ответить на вопрос и готов объяснить свои затруднения». Но почему вы ничего не пишете?

Следователь: Объясните, в чем затруднения.

* Из допроса автора по делу Монакова. Следователь УКГБ по Москве и Московской области Никитин по просьбе УКГБ Одессы. Сентябрь, 1979 г.

Свидетель: А вы обещаете опять мои объяснения занести в протокол?

Следователь: Да, обещаю.

Свидетель: Хорошо. Чтобы недоверие к вам не было голословным, объясняю затруднения: дело в том, что закон запрещает следователю задавать наводящие вопросы. По-моему, вы обязаны спрашивать так: «Какова продолжительность вашего рабочего дня?» Почему же вы не пишете протокол?

Следователь: Потому что вы не отвечаете, какова продолжительность вашего рабочего дня.

Свидетель: Я пришел отвечать на ваши вопросы, а не на свои.

Следователь: Это мой вопрос.

Свидетель: Если бы мы вели протокол, было бы ясно, кто обманщик. Итак, что толку спорить? Я продолжаю давать объяснения, а вы продолжаете обещать, что занесете их в протокол. Таким образом, к вопросу о моей работе. Дело в том, что действительно характер моей работы несколько отличается от того, как об этом пишется в табеле. Таковы правила, установленные начальством. В результате вашего расследования, имеющего как будто цель устранить нарушения закона, боюсь, уволят не кого-нибудь из начальства, не вас, а меня. Не в этом ли действительная цель вашего расследования?

Следователь убедил меня, что я ошибаюсь, никакого протокола он писать не стал и мы, в конце концов, мирно расстались.

**Коротко о допросе автора
по делу Щаранского в ноябре 1977 г.
по просьбе читателя этой рукописи**

Идя на допрос, я предполагал отметить следующие четыре обстоятельства.

1. Официально Щаранскому было предъявлено обвинение не в шпионаже, как писалось в «Известиях», а в «измене Родине». Если принять во внимание, что Щаранский называл своей родиной Израиль, а не Советский Союз, то предъявленное ему обвинение логически неполноценно. Кроме того, такое обвинение оскорбляет достоинство тех, кто считает себя гражданином Советского Союза фактически, а не формально, как Щаранский.

2. Незадолго до вызова на допрос я читал сообщение ТАСС. В нем говорилось, что «изменник своей Родины Щаранский будет осужден по всей строгости советского закона» (именно «будет» и непременно «по всей строгости», а не по всей справедливости). Директор ТАСС принадлежит к руководству той партии, где почти всякий судья является рядовым членом. Таким образом, нетрудно понять, что в Советском Союзе Щаранскому уже никак не обеспечено беспристрастное судебное разбирательство. А значит, всякое предварительное расследование дела бессмысленно.

3. Срок, в течение которого Щаранский находился в предварительном заключении, давно превысил предусмотренный законом. В настоящее время приходится думать, что дальнейшее содержание его под стражей — преступление куда более серьезное, чем то, которое Щаранскому приписывают. Кстати сказать, подобные методы следствия после смерти Сталина всегда (?) осуждались.

4. Позиция советских газет, освещающих обстоятельства этого дела (надо думать, с ведома органов следствия), выглядят не очень умно. Советская печать порицает средства

массовой информации США за вмешательство во внутренние дела Советского Союза, забывая, что Щаранский обвиняется в связях с ЦРУ. Как известно, американские средства массовой информации давно интересуются делами ЦРУ. Да и с каких пор дела ЦРУ стали внутренним делом Советского Союза? (Заметим, что опубликованное в «Известиях» письмо Щаранского адресовано Конгрессу США.)

Из приведенных выше четырех пунктов я отметил в протоколе первые два. Объясняю причину: прежде всего не хотел быть навязчивым. Следователь попался симпатичный, у нас возник непринужденный и откровенный разговор. Однако то, что говорил я, казалось мне более естественным, чем то, что говорил или делал он. Например, я сказал, что, идя на допрос, соврал на работе о том, куда иду. Следователь, как ни странно, мою ложь одобрил. Своего удивления по этому поводу я не скрывал. И все-таки спустя некоторое время он стал меня обманывать. Предъявив мне старый вариант рукописи «Как быть свидетелем», отпечатанный на ротапринте, он написал в протоколе, что рукопись напечатана на машинке. Как позже выяснилось, его главной целью было убедить меня признать свое авторство. Причем он говорил, что рукопись некриминальная, но почему-то не хотел записывать это в протокол. Разумеется, я почти вежливо сказал все надлежащее для такого случая и ушел.

Моя читательница пришла к выводу о необходимости составления перечня ответов на все случаи жизни ко всяким вопросам. Я не удержался и задал два вопроса — по поводу ее подруги, надежной машинистки, и один вопрос вообще:

— Надо ли специально договариваться с машинисткой, чтобы та по телефону не объясняла причины, если не закончит работу в срок?

— Что она ответит человеку, которому безусловно доверяет, на его вопрос — у кого взяла эту рукопись? (Кстати, что тут важнее учитывать — надобность вопроса, важность ответов, надежность собеседника или что-либо другое?)

И наконец — последнее.

Один странный моралист определял надежность своих знакомых следующим вульгарным образом. Он спрашивал каждого, способен ли тот достать килограмм кетовой икры и десять килограммов сырокопченой колбасы. Если человек отвечал «нет», он считался надежным. Интересно, есть ли в столь странном способе определения человеческой надежности что-нибудь определенно для нас полезное?

Несколько советов в конце

Свидетель: А если бы рукопись, о которой вы спрашиваете, написал я, то я должен был бы в этом признаться?

Следователь: Несомненно. Вы дали подписку об ответственности за дачу ложных показаний.

Свидетель: Ну а как же тогда право обвиняемого на защиту? Я же тогда стану обвиняемым?

Следователь: Вы в этом уверены?

Свидетель: Конечно, не уверен, поэтому и спрашиваю.

Из рассказов о допросе

Теперь просмотрите текст еще раз и постарайтесь уяснить все то, что считаете главным. У вас могут возникнуть собственные идеи. Подумаем, есть ли в них нужда. Обычно полагают, что в каких-то критических ситуациях вовсе не трудно обратиться к юристу, подобно тому, как при необходимости мы обращаемся к врачу или электромонтеру. Разница, пожалуй, в том, что на совет юриста никогда нельзя полагаться всецело. Совет юриста не избавляет вас от необходимости подумать, посмотреть закон, понять его цель и смысл. Кстати, следователь ведь тоже юрист. А ваше отношение к советам следователя, надеюсь, не будет более критическим, чем отношение к советам других юристов.

Впрочем, если жизнь не научила вас быть самому себе врачом и электромонтером, то вы, по крайней мере, должны понять, что стать «немножко» самому себе адвокатом просто необходимо. Ведь именно в крайней, в тяжелой ситуации, например, в случае ареста, услуги адвоката будут недоступны для вас. Это вовсе не означает, что потребуются изучать какие-то толстые книги по законодательству. Нет. Требуются не столько знания, сколько ориентир. Если вы — честный человек, вам необязательно знать законодательство наизусть — важно лишь научиться его понимать и ориентироваться.

Ваша «тактика», конечно, зависит от обстоятельств. В идеальном случае она должна выглядеть примерно так: вы сопротивляетесь режиму, выставляя доводы, основанные на законе и здравом смысле. Затем вы уступаете нажиму. Далее ситуация, допустим, несколько раз повторяется. В конце концов, даже если следователь и приходит к тому, к чему стремился, у него в результате получается практически нуль, добытый к тому же путем не вполне приличным.

Во-вторых, почти в каждом важном вопросе следователя, каким бы он ни был — добрым или страшным — живет едва заметное утверждение, т. е. нечто противоестественное. Ведь следователь должен спрашивать, а не утверждать. Заметьте — это ахиллесова пята следователя, он ее тщательно прячет. Как? Он пытается свои утверждения сделать вашими или общими с вами. Не говоря прямо и откровенно, он осторожно советует, напоминает, дает понять... Если дело — «липа», ему все больше и больше придется объяснять вместо того, чтобы спрашивать.

А свидетелю не остается ничего другого, как спрашивать. Тем более, если оппонент уже перешел от наводящих вопросов к наводящим советам*. Все, как видите, чудесным образом меняется. Свидетель выступает как следователь, следователь становится свидетелем... И вот тут-то возникшая ситуация морального и тактического преимущества дает повод воспользоваться четырьмя принципами системы ПЛОД. Важно только правильно, честно и обдуманно записать происходящее в протоколе — не так существенно слово сказанное, как

* Наводящий вопрос — это, конечно, не то же самое, что наводящий совет, однако реакция свидетеля должна быть одинаковой и в том и в другом случае. Например:

— На вашем месте, Владимир Янович, я бы признал свое авторство, — говорит мне следователь.

— Если вы будете так говорить, то, боюсь, окажетесь на моем месте, — отвечаю я. (Из непротокольной беседы автора этой рукописи со следователем Литвиновским во время допроса в Лефортово в ноябре 1977 г.)

слово написанное. На допросе всегда есть время подумать — мгновенной реакции никто не требует (?). Разумеется, в тех случаях, когда слишком много спрашивают одно и то же, нетрудно придумать остроумный ответ. Была бы охота*.

В-третьих, следователь готовится к допросу свидетеля. Свидетелю необходимо делать то же самое и как можно лучше. Не лишнее расспросить о манерах следателя того, кого он допрашивал раньше. Хорошо бы обдумать схему предстоящей встречи. Посмотрите внимательно протокол вашего обыска. Почти наверняка вас спросят об изъятом: «От кого получено? С какой целью хранилось?» Что вы ответите на те или иные вопросы? Что напишите в замечаниях к протоколу? И, наконец, чем будете следателя «раздражать» (в том или ином случае)? Если допрос неожиданный, например, сразу же после обыска, скажите, что вы устали, болит голова. Напишите об этом в протоколе и попросите, чтобы вас вызвали завтра. В конце концов, вы ведь в самом деле так напуганы и так плохо выглядите, что достаточно врачу вас увидеть, что он сразу даст бюллетень.

Если следователь захочет отобрать или уничтожить черновики ваших записей на допросе, необходимо оформить это протоколом изъятия с понятыми. Копию протокола (согласно ст. 177 УПК РСФСР) вы возьмете с собой, а черновики приобщат к делу.

В четвертых, если вы в состоянии доказать, что вас зря вызвали и вызывают, не спешите. Не спешите использовать то, что быстро пришло в голову. Наблюдайте события и не торопитесь принимать решение. *Заранее принятое решение не должно быть слишком твердым, оно может оказаться плохим.* Старайтесь всегда быть объективным. Например:

* Автор заметил, что когда в выдержках из бесед на допросе он приводит какие-то остроумные ответы, у многих создается впечатление, что он предлагает слишком хитроумную игру, которая обычному человеку не под силу. Мнение, конечно, ошибочно — шутку рождает повторенный случай плюс размышления. Например, после подобных бесед всегда возникает диалог.

— По-вашему получается, — говорит бригадмилец, — что вас задержали без всякой причины.

— Нет, — говорите вы, — так не получается. Если задержали, значит есть на то причина. Если она мне неизвестна, это еще не означает, что ее нет.

Вероятно, без нужды не стоит показывать следователю свою «просвещенность». Возможно, дилетантство ваше будет стимулировать неосмотрительные действия следователя, а здравый смысл, на который вы станете ссылаться, укрепит его упрямство. Но зато потом, когда он сам возьмет в руки УПК, чтобы доказать что-либо вам, он докажет себе, что не прав. Эффект получается максимальным при минимальных с вашей стороны усилиях. Разумеется, надо всегда внимательно слушать, стремиться понять, но не с полуслова (главное!).

И еще есть нечто, чего современному интеллигенту не хватает постоянно. Даже больше, чем денег. Когда отнимут и унесут навсегда, например, личную рукопись, интеллигент переживает так, будто потерял ребенка. Да уж не потому ли замечено, что судить за неопубликованную рукопись легче, чем за опубликованную? Разумеется, это не строгая истина. Зато безусловная истина, что *воля важнее осмотрительности*. Волевой человек иногда и прячет рукопись в земле, но зато он не так уж боится телефонного разговора или стука в дверь по утрам.

Нет, я не знаю, что делать тем, кто слишком боится. В сущности, я вообще ничего особенного не знаю. Но я уверен, что вашу волю, читатель, исключительную волю отвечать на допросе как угодно, не сообразуясь ни с какими неожиданностями, ни с какими советами (даже теми, которые изложены выше), никто и ничто не должно ограничивать.

Ничто абсолютно: ни заботы о близких, ни страх, ни желание узнать о чем-то, ничто кроме собственной совести. Надо быть просто самим собой — вот главный совет.

Конечно, всякое бывает. Допустим, вызывают на допрос в то время, когда у вас в кармане лежит виза и билет до Вены. Что делать?

Быстрее обменять билет, чтобы скорее улететь, и все время бояться, как бы в последний момент что-нибудь не стряслось? Наверное...

И все-таки жаль. Мне будет очень жаль, когда кто-нибудь скажет, что вы «жид и потому трус». И пусть вы уже уехали в Израиль и все происходящее здесь вас нисколько не волнует; вы никогда не вспомните об этой стране, никогда.

Никогда? А ведь это и есть, наверное, ложь!

Плохая страна — именно та, где только лишь думающих, что она плохая, сажают в тюрьму. А только почему плохую страну всегда любят больше, чем хорошую? Почему? Не знаю.

Не обижайтесь, читатель. Говоря о других, я в основном все-таки имею в виду самого себя. Но, по всей вероятности, я не счел бы возможным всегда поступать так, как советую другим. Кроме того, категорически не хочу, чтобы мои сентенции истолковывались как желание сделать из читателя большого жулика. И даже очень мелким жуликом я совершенно не советую быть. Наоборот.

Если вы звоните кому-нибудь, допустим, в Рим (в кредит) из квартиры, откуда все уже уехали, или звоните в учреждение, притворяясь кем-нибудь, или обманываете тех, кого «стоит» обманывать, то, я полагаю, само по себе это все-таки помешает вам на допросе, да и в жизни тоже. Считая себя партизаном в тылу врага, в конечном счете вы окажетесь партизаном в своем собственном тылу, поскольку не увидите границы между добром и злом.

Между прочим, рассказывают, когда Мандельштама привели первый раз на допрос, он всего лишь спросил: «А можно говорить правду?»

Четыре вопроса читателей этой рукописи к автору

— Вы советовались о том, как отвечать на такой-то вопрос. А что вы ответите на вопрос: почему вы об этом со мной советовались?

— Скажу, как вы советовали, что мы живем в Стране Советов... Только будет ли это умно?

— Все, в основном, зависит от того, что было, слишком малое зависит от того, что будет.

Из беседы с человеком, которому предстояло идти на допрос

Первый вопрос. Следователь спрашивает: «Что вы скажете по поводу изъятой у вас на обыске такой-то брошюры?» Как лучше ответить на этот вопрос?

Ответ автора. Прежде всего, не лишне потребовать, чтобы вопрос был записан примерно так: «Вам предъявляется изъятая у вас на обыске такого-то числа отпечатанная на машинке брошюра под таким-то названием на стольких-то листах, начинающаяся словами такими-то и кончающаяся словами такими-то, что соответствует пункту такому-то протокола обыска от такого-то числа», и так далее. Если у следователя при себе нет брошюры, или нет протокола изъятия, или если в протоколе изъятия указано другое количество страниц, то с ответом на вопрос не следует торопиться. Впрочем, следователя интересует, от кого и с какой целью получена брошюра. Перед ответом важно также понять цель вопроса и внимательно посмотреть саму брошюру. Бывает, что в ее тексте удастся найти цитату, которая существенно украсит ответ.

Кстати, когда изъята «антисоветская» книга, не содержащая никакой критики, никаких упоминаний о Советском Союзе, и в то же время неточно описанная в протоколе, у свидетеля есть даже повод для шутки:

— Вы предъявили, судя по протоколу, — может сказать он, — не мою книгу. Обратите внимание, она ведь не антисоветская*.

Второй вопрос. На обыске «обнаружены» предметы, которых у вас никогда раньше не было. Что ответить, когда об этом спросят на допросе?

Ответ автора. Думаю, что сами по себе чудесным образом возникшие предметы не способны опорочить честного человека. К чудесам следует относиться как к чудесам. Разве их мало? Взять, например, почту. На редкость пунктуальное и аккуратное учреждение. Но бывает, что письма, которые я посылаю, не приходят, а вместо них от моего имени приходят письма, которых я никогда не посылал. Чудо! Но что делать? На обыске у Александра Гинзбурга обнаружили непонятно откуда возникшую иностранную валюту. Интересно, что на суде об этой «находке» не было произнесено ни слова. Отсюда делается простой вывод: высокое начальство не одобряет некрасивых действий слишком ретивых нижних чинов. Так, наверное, надо написать в протоколе. И, главное, по возможности не следует бояться. Если мы будем бояться, мы не сумеем презирать. Одно слишком большое чувство помешает другому.

Третий вопрос. Следователь сообщил о некоторых показаниях обвиняемого. Затем он спросил, подтверждаю ли я эти

* Характер предъявленного на допросе текста часто определяет характер действия свидетеля. Например, на допросе по делу Твердохлебова мне предъявили изъятый при обыске неразборчивый черновик одного письма. Следователь «прочел» текст и занес его в протокол. Я отказался отвечать на вопросы, поскольку предъявленный мне черновик не имел отношения к делу. Однако я хотел убедить следователя в том, что он неразборчив. Я взял чистый лист бумаги с маленьким отверстием посередине и закрыл им злополучный черновик так, чтобы в отверстие виднелось какое-нибудь слово. Я предложил следователю прочесть это слово, он прочел: «изготовление». Слова «изготовление» в занесенном в протокол тексте не было. Я пожелал результаты своего эксперимента занести в протокол, следователь воспротивился. Таким образом, у него тоже возникли проблемы.

показания. Я ответил, что нет, не подтверждаю, так как никакие показания обвиняемого мне не известны. Прав ли я?

Ответ автора. Пожалуй, правы. Вопрос следователя должен формулироваться примерно так: «Вам предъявлены показания обвиняемого такого-то, данные им на предварительном следствии такого-то числа». Далее двоеточие, кавычки, текст показаний и так далее. Если следователь почему-то не предъявляет протокола показаний обвиняемого, это странно. Если он предъявит протокол, то надо внимательно его просмотреть и дать ответ по существу. Хотя важно, что именно следователь просит вас подтвердить. Допустим, факт встречи двух лиц в вашем присутствии. Разве не странно, что одно из этих двух лиц сочло необходимым рассказать об этой встрече следователю? Факт встречи — дело обычное. Факт рассказа — необычное дело. Это необходимо объяснить следователю и, наверное, как-то записать в протокол.

Четвертый вопрос. Непонятно ваше требование говорить всегда правду. Неужели не было случая, когда бы вы в критической ситуации не сказали бы следователю ложь?

Ответ автора. Ложь я никогда не говорил, потому что не хотел. Да и не было необходимости лгать. Но если строго смотреть, то, наверное, правду я тоже не говорил. Правду я искал. Я всегда ее ищу. А поскольку может оказаться, что этот мой ответ вас не устроит, я готов передать чужие слова по этому же поводу:

— Господин следователь, — сказал один человек в критической ситуации, — я, наверное, сделал бы то, о чем вы так настойчиво просите, но в кругу моих друзей это считается подлостью.

— Я удивляюсь, почему они не могут всех нас разом уничтожить, — спросила моя приятельница, которая прочла все это.

Я тоже этого не знаю.

КАК ВЕСТИ СЕБЯ НА ОБЫСКЕ

«При осмотре портфеля, принадлежавшего В.Я. Альбрехту, обнаружено было...»

(Из протокола обыска)

Просьба рукопись на обысках не изымать, так как именно это обстоятельство увеличивает ее объем*.

Когда-то писали о восстановлении законности, разумеется, социалистической. Большой шел разговор, и даже в «Литературной газете» дискуссии, дискуссии — о праве. Потом тема устарела, поскольку законность восторжествовала. Сейчас газеты уже давно требуют остановить террор чилийской хунты. Но как? Как я, допустим, остановлю террор чилийской хунты, если меня в принципе не может волновать судьба только чилийских коммунистов и не волновать судьба, скажем, китайских, албанских, югославских, чешских, сирийских, иракских и даже индонезийских коммунистов? А потом, хунта меня просто не услышит. Я вот Генеральному прокурору, товарищу моему Руденко

* Тем не менее, уже изъята, впервые на обыске у Шихановича в 1974 г. Автор будет признателен читателям за все сообщения о случаях, когда его просьба игнорировалась на обыске. Важно также, как в протоколе тогда цитировались слова, с которых рукопись начинается и кончается.

три года назад письмо написал (по поводу обыска у меня), так, представьте, до сих пор нет ответа. Спрашивается, надо ли падать духом? По-моему, надо. Когда абсолютно не помогает понимание, уж не поможет ли непонимание?.. Все говорят, надо знать какие-то основы уголовного права. А что — законов обычной морали недостаточно? Я думаю, если есть истина, то она все-таки наивна. Недаром «король-то голый!» впервые сказал ребенок. Да и мы в некотором смысле дети.

Так не сверлите меня, дорогой читатель, своим доверчивым, конкретным взглядом. Я давно предвижу ваш длинный и важный вопрос № 1.

Вопрос № 1. Итак, вы спокойно спите. Вас будит звонок или стук в дверь, и какой-то приятный голос снаружи говорит, что принесли «международную телеграмму». Обманутая, ваша жена открывает дверь, и оказывается — шутка: пришли с обыском по делу № 24 или по какому-нибудь другому делу о незаконном «чего-нибудь». Требуют выдачи этого самого чего-нибудь. И пока жена переминается в коридоре с одной босой ноги на другую, те уже деловито приступают с трех сторон. Понятая уже обшарила тещу и повела детей в туалет. Кто-то с фонарем лезет под ванну. Они все ищут и ищут, блестя глазами, почесывая ладони и затылки. И, наконец, уходят, унося с собой пишущую машинку, записные книжки и какие-то бумаги. Спрашивается, что же делать и как быть?

Ответ: Воистину, дурацкая ситуация — это та, которая вполне дурацкая для всех, кто в ней участвует, и для всех, кто ее наблюдает.

По сути дела, вы хотите знать, как нормальный человек должен вести себя в ненормальной обстановке; как хороший актер должен играть в плохой, постыдной пьесе. Что ж, наверное, прежде всего надо спросить себя и их тоже, зачем они, в сущности, пришли? Разумеется, в вашем доме нет плохих книг, вредных, допустим, для СССР. Но в мире!.. В мире существует огромное количество плохих, даже отвратительных книг. Возмущенные люди иногда специально собирали их в кучи и сжигали на

кострах. Да, так было. Почему-то потом люди всегда стеснялись это вспоминать. Почему? Наверное, потому, что (в свое время) они не умели достаточно хорошо отличать добро от зла — ведь трудно, очень трудно.

Все видели, как бывшее добро оказывается обыкновенным злом. Люди сделались осторожнее, стали бояться сжигать плохие книги. И давно уже было замечено, что добро побеждает не столько силой, сколько разумом. По природе своей оно непременно наивно, безгранично, безбрежно. Его оружие — красота.

А зло всегда хочет свернуться в клубок какой-то конкретности. Среда его обитания — трусость, безволие, выгода. Любимое дело — забота о собственной границе, о корке, о шкурке. Чтоб была толще, чтобы была меньше... У зла политика. Чтобы выжить, ему надо меняться, приспособливаться. У зла тактика и стратегия. А какая стратегия у моря? — Простая. Какая стратегия у неба? У леса? Естественная. Какая тактика у земли, у травы, у солнца? — Красота, правда, вечность. Самый лучший ответ, самый умный ответ, он — всегда честный, но, конечно же, не конкретный. Он смелый, но наивный. И, скорее всего, по существу он и вопрос тоже.

Дайте им все, что они просят. Хотя вам их трудно понять — обязательно трудно понять! Однако: «орудия преступления?» — их нет. Сфантазируйте! Нарисуйте, изобразите! Они любят рукописи — отлично... Напишите им что-либо заранее или не заранее. Не беда, если вдруг появится эдакий специальный жанр обыскной литературы, литературы для обыскивающих. Они берут пишущую машинку, так отдайте им чернила, карандаши. Ручку свою предложите, чтоб не походило на грабеж.

При изъятии машинописного текста в протокол выносятся как слова, с которых текст начинается, так и слова, которыми он кончается. Порядок этот нельзя нарушать, даже когда он чем-либо неудобен или вызывает смех у присутствующих. Так было в случае изъятия настоящей брошюры (см. титульный лист сверху). На обыске у А. Твердохлебова изъятим оказалось мое письмо, заканчивающееся словами: «... если мы существуем еще, если мы живем и дышим, то лишь одно это означает доподлинно,

что есть на Земле нашей Бог». К сожалению, эту фразу в протокол не внесли.

Большим спросом на обыске пользуется какой-то «клеветнический материал», он же «антисоветский». Поэтому в доме хорошо иметь некоторое число старых газетных вырезок, например про Солженицына или академика Сахарова, и выдавать их по первому требованию пришельцев. В экстренных случаях их можно одалживать по телефону у друзей, а хранить сообща где-нибудь особо, или, наоборот, в открытом доступе, в туалете (кстати, инструкция советует начинать обыск с туалета). Но главное — не забудьте все-таки должным образом отметить все в протоколе. Понятно, в нужный момент юмора иногда просто не хватает. Да и хорошо смеется тот, кто смеется последним. Но в том-то и дело: ведь кто будет смеяться последним, они не знают так же, как и вы.

Вы хотите сохранить свое достоинство? А главное как раз в том, чтобы напомнить им об их достоинстве. Они о нем забыли. А они люди. Ведь даже школьники знают, что подсматривать и обыскивать стыдно. По закону так же стыдно, как и без закона. Нет, напомнить этим людям, что и они люди, что сами они и их дети заслуживают и жалости, и сострадания, совсем нелишне. Это трудно?

Да!

Потому что добро и зло говорят на разных языках. Но все-таки не говорите долго на их языке. Пусть они привыкают к вашему. И не бойтесь, что не поймут, не поверят или что вы окажетесь наивным. Наоборот, они отлично знают — вы честный человек, потому-то к вам и пришли. Они полагают, вы им все расскажете, очень надеются. Им так нужны честные люди, особенно свежие. Ах, свежие, честные люди! Где их только нет. Ведь даже среди них самих есть честные симпатичные люди. Да только убедят ли они вас в этом? Убедят ли?

Вопрос № 2. Вы все так общо, а я горю, не пойму отчего. Объясните же, наконец, отчего происходит обыск и как на нем вести себя?

Ответ: Обыск происходит по разным причинам. Он нужен и важен, хотя сам по себе неприличен всегда. Он отвратителен особенно когда причины, его вызвавшие, отвратительны. Пожалуй, это одна из тех немногих вещей, про которые нельзя сказать: имеет большое воспитательное значение, также как, например, про изнасилование. Возможно, поэтому обыски, как и аресты, лучше производить обманом и ночью. Но не огорчайтесь, бесполезно. В некотором смысле обыск — итог вашей жизни, важная веха и даже признание «заслуг». Конечно, вы зря волнуетесь. Хотя, если вы не будете волноваться, то волноваться придется им. Для того и делается обыск, чтобы понять, кому следует волноваться. К сожалению, этого часто не удается понять окончательно. Но бывает разное. Некоторые на своих обысках спят — говорят, например, Слепак. Почему? Неизвестно. То ли он воспринимает обыск как затянувшиеся на много лет формальности, связанные с отъездом в Израиль, то ли его добрые сны лучше злой реальности. И все же спать на собственном обыске непросто. Попробуйте-ка, когда под кроватью ползают взрослые дяди, сопят и шелестят бумагой. Нет, обычно в таких случаях не спят, и даже некоторое время после тоже не спят. Страх! — понятное дело. Говорят, однажды на обыске кто-то с испуга пережег пробки во всем переулке. А когда зажгли свечи, чуть весь дом не спалили. Причина простая. На сухом языке протокола это якобы называется «дрожанием руки заинтересованного лица на почве глубокого потрясения». Разумеется, переулок может потерпеть, но бывает хуже. Одного понятого, рассказывают, током убило. Полез освидетельствовать на антресоли и погиб «при исполнении служебных обязанностей». А другого чуть не зашибло чемоданом с самиздатом. И ведь ясно видел летящий на голову чемодан с самиздатом, но отсрочить не мог: то ли — нервы, то ли — нездоровый интерес. Такая работа, говорят. Да только можно ли верить?

Вопрос № 3. Когда они могут прийти?

Ответ: Обыски, в основном, бывают двух видов: предпраздничные и не предпраздничные. Случаются обыски в конце месяца, в конце года, а также в связи с приездом или отъездом

важной персоны. Например, в 1972 году было сразу штук 15 обысков накануне Дня Победы над фашизмом, из них у меня — два. У Твердохлебова имели место три обыска в конце месяца, из них один — в конце года и один после важных переговоров. Обыскиваемый, конечно, не может знать, когда к нему придут, однако он должен понять, что в этот же день его, по всей видимости, еще и допросят. Значит, в воскресенье или в субботу они вряд ли явятся, скорее всего в пятницу. Хотя ни в чем нельзя быть уверенным. Тем более если план невыполнен или обыски происходят в силу взятых кем-то повышенных обязательств. Социалистических, разумеется.

Вопрос № 4. Что такое «клеветническая» литература или хотя бы «антисоветская» (на их жаргоне ее как будто называют сокращенно «античная»)?

Ответ: Это та самая литература, про которую невозможно вспомнить, где ее взяли. Впрочем, как же — у тех, кто умер, и у тех, кто уехал. Но подумайте, нужен ли вам этот серпантин? Вы же мыслящее существо! Сейчас, в XX веке, уже пора бы знать точное определение. И список — чего нельзя. Да и куда, к кому обращаться за справками? Пусть вам покажут, где «антисоветская», а где «клеветническая», хоть абзац, хоть слово... Если это очень просто, зачем нужен на суде эксперт? На вопросы «Кто дал?», «Где взял?» вы, наверное, ответите, но не сейчас и не здесь, а на допросе. Там вы, конечно, скажете громко и удивленно: «Какое ваше дело, где взял? Неужто вас это интересует? Неужто еще не стыдно? Да и как убедиться, что это имеет отношение к делу (и именно к тому, по которому вас будут допрашивать)?»

Так вы скажете им потом, не сейчас, не здесь.

Вопрос № 5. Надо ли наблюдать за ними, кабы чего не вышло?

Ответ: В общем, не мешает. Пусть обыскивают, да только знают меру. Как бы случайно сами себя не обшарили. Говорят, когда-то на обыске в квартире Шихановича сумочка понятой уже совсем было подверглась досмотру, но, надо отдать должное, спохватились.

Вопрос № 6. На каком основании можно не подписывать протокол обыска?

Ответ: Основания возникают очень часто и помногу. Вы вправе не излагать их сразу, можете потом отослать их по почте, сославшись (в протоколе), например, на позднее время, допустим, 2 часа ночи. Ведь вы устали и хотите спать. Или вы ссылаетесь на слишком большую продолжительность экзекуции (у известного писателя Некрасова обыск шел 26 часов). Разумеется, и в самом протоколе в качестве замечаний к нему вы имеете право указать на нарушения. Чаще всего это:

- фактическое отсутствие понятых, т. е. их непосредственное участие в поисках;
- несоответствие изъятого требованию ордера;
- всякие неточности в описаниях;
- неуказание в протоколе всех лиц, присутствовавших при обыске или участвовавших в нем;
- наконец, различные другие неточности.

Главное — не ленитесь писать. Нарушения, замеченные вами, — это случайные ошибки следствия или неслучайные свидетельства его циничной хитрости и, конечно, особой его заинтересованности. Но только не путайте, пожалуйста, аргументацию с интуицией. Аргументация — это совсем не то самое, когда вам кажется или вы даже уверены, что Иванов — стукач.

Короче говоря, подпишете вы протокол обыска или нет, у вас все равно есть повод изложить в нем собственные сентенции, допустим: «антисоветская литература», возможно, действительно очень вредна, но устраивать из-за нее гинекологический осмотр ни к чему. Говорят, в Киеве на обыске у писателя Некрасова присутствующих женщин раздевала догола специально приглашенная для этого прапорщица КГБ по фамилии Томашевская.

Вопрос № 7. Случаются ли у них оплошности?

Ответ: Случаются, и не только на обыске — на допросе, на суде (конечно, главным образом — на суде, там суммируются основные из них). Чаще всего допрос идет после обыска. На-

оборот бывает тоже, хотя в этом случае непременно произойдет оплошность либо со стороны следствия, либо со стороны свидетеля, которого в конце концов обыщут. Жизнь сложна, всего не предусмотреть.

Представьте себе такую ситуацию. После утомительного допроса математика, доктора наук А. (по делу другого математика, кандидата наук В.), некий следователь С. едет на дом, разумеется к А., на предмет изъятия писем обвиняемого В. к свидетелю А. По дороге А. и С. тоже разговаривают, и нельзя не отметить с сожалением, что, по-видимому, всякое общение следователя с математиком тягостно для следователя. Математики, как известно, рассуждают логично, поэтому их допрашивать, а тем более судить — трудно (другое дело — писатели). Короче говоря, следователь С. не только поленился оформить изъятие письма протоколом, но даже не посмотрел как следует на то, что взял. Ему это показалось неважным, ведь на следующий день А. должен был опять прийти на допрос. Однако А. был предусмотрительным: сразу по получении писем по почте он вырезал из них особо конфиденциальную информацию. Теперь тот факт, что письма содержат вырезы, оформить задним числом в протоколе представлялось делом затруднительным. На следующий день С. все-таки уговорил А. оформить изъятие так, как будто А. сам принес письма сию минуту. Первый вопрос к А. в последовавшем затем допросе оказался весьма примечательным: «В двух письмах, только что переданных вами следствию, имеются вырезы. Кем, когда и с какой целью они сделаны?» Разумеется, А. красиво и обоюдовыгодно соврал. Он был политическим ссыльным, и что-то определенно мешало ему спросить: «А из чего видно, что я дал письма с вырезами? Суд же чего доброго подумает, что вырезы сделали вы сами и пытаетесь на меня свалить... Тем более, вы же уговорили меня (почему-то) оформить изъятые вчера как принесенные только что!» Такое могло появиться в протоколе, но не появилось. Жаль! И сколько раз в прошлом наблюдали мы случаи, когда следователь и свидетель активно объединялись для общего вранья, совсем незначительного. А чем все кончалось?.. Нет, уж если следователь допустил ошибку (в конце концов, с кем не бывает), если устранить ее

способна только ложь, подумайте хорошенько, должны ли вы быть соучастником этой лжи, пусть даже и молчаливым?

Вопрос № 8. Бывают ли негласные обыски?

Ответ: Очевидно, да. Солженицын в своем письме на имя Андропова (в августе 1971 г.) описывает случай, когда приехавшего на пустую дачу Горлова избили чекисты, которые таинственным образом оказались там. Горлов звал на помощь, потому что его били, а его били именно потому, что он звал на помощь. К сожалению, я лишен возможности процитировать письмо Солженицына, у меня лично его изъяли на обыске вполне гласном.

Кстати, о целях и методах негласного обыска читатель получит представление, если посмотрит французский фильм «Высокий блондин в черном ботинке». Вообще-то негласный обыск — дело незаконное, конечно, проще сказать — преступное. В некотором смысле это даже сравнимо с убийством из-за угла. А чтобы средства были столь отвратительны, надо ведь, чтобы и цели были столь же «высоки».

Вопрос № 9 (трудный). Как быть, если у вас на обыске взяли «Хронику текущих событий» и вы испугались, наверное, потому, что больная жена об этом ничего пока не знает?

Ответ: Сначала подумайте, посчитайте до десяти, а лучше до тысячи. «Хронику» и раньше изымали на обысках. Сам факт изъятия не обязательно приводил к беде. Например, на обыске у Валерия Чалидзе были взяты все вышедшие тогда номера. Но это не помешало Чалидзе уехать за границу (вместе с женой) для чтения лекций по проблеме защиты прав человека в СССР, — хотя куда лучше было бы читать эти лекции здесь, в Москве. По образованию Чалидзе физик. Его интересовали проблемы защиты прав человека. Наверное, ему и необходима была «Хроника». Вас, допустим, интересует что-то другое, допустим, проблема гласности судопроизводства. Вы не обязаны доказывать всякому, что вас конкретно интересует, но если спрашивают, отчего же не ответить, так, чтобы вас поняли, а главное — расслышали.

Вы не хотите быть арестованным. Тогда, по крайней мере, защищайте себя с достоинством. И не перепоручайте это другим (скажем, иностранным корреспондентам). Ну, а если вас арестуют действительно, и ваш процесс окажется открытым (что само по себе чудо)? Но если на ваш процесс еще и можно будет попасть (конечно, это еще большее чудо), то ведь даже и в таком случае полностью записать все, что произойдет на таком «открытом» суде, не удастся никогда (таких чудес не бывает). Поэтому все, что напишет о вас «Хроника», будет определено неточно, к сожалению, а в строгом смысле — просто ложь. Может быть, теперь, когда вас осудят, вы поймете, что, распространяя «Хронику», вы распространяете заведомую ложь? Великолепное доказательство! Хотя вы же действовали несознательно: была бы правда, вы распространяли бы правду. И все-таки вы распространяли ложь, но только в том случае, если вы сами так считаете. В это время суд, наверное, будет доказывать, что № 10 «клеветнический», поскольку № 9 тоже «клеветнический». Но была ли в этом экземпляре некая крамольная страница? Но о какой «Хронике» идет речь? Простите, «Хроника времен Карла IX» тоже ведь хроника (есть такая у Мериме). А «хроника» Шекспира? И тоже, заметьте, века средние!

Суд почему-то медлит. Стремясь оптимально решить лишь проблемы сегодняшние, он, по существу, создает проблемы будущего. Так уже бывало, например, в 1937 году...

Нет, защищая себя, вы не всегда защищаете что-то определенно высокое. Между вашей заинтересованностью в своей судьбе и слишком старыми представлениями о порядочности и благородстве есть, конечно, противоречие, но его никто не должен видеть. Никто абсолютно. Разумеется, ваша больная жена тоже. Между нами говоря, ни слова жене.

Вопрос № 10. Как быть, если нет того, о чем они просят? А если бы было, то надо ли отдавать? Ведь тогда обыска не будет, не так ли?

Ответ: Иногда так. Когда их требования очень конкретны, то выдача какой-то рукописи действительно сможет избавить вас

от обыска. Однако нередко они возвращаются. Делать повторные обыски рекомендует инструкция. Таким образом, выдача просимого не надолго утоляет тот самый аппетит, который всегда приходит во время еды. А вам-то важно, чтобы он не приходил, а уходил. Что же делать, спрашивается? Никто не знает. И все-таки приятнее, когда они просят после обыска, а не до него. Но даже и в таком случае я бы заявил в протоколе, что требуемой «Хроники текущих событий» выдать не могу не потому, что в данный момент нет при себе, а потому, что, во-первых, никогда и никому ее практически не даю (тем более незнакомым), а во-вторых, она мне крайне необходима ввиду того, что меня интересуют проблемы помощи политическим заключенным. Писать или говорить, что я понятия не имею ни о какой «Хронике», мне, извините, неловко. Ну, а как быть вам?

Зачем-то «Хроника» нужна была и вам? Зачем? Наверное, вы хотели узнать о суде над вашим знакомым. Наверное, вас вообще интересует проблема гласности. Ну, а если вас затрудняет формулировка вашей нужды в «Хронике», так может и нет, действительно, нужды иметь ее? Есть разве только простое любопытство. Хотя, возможно, вы уверены в своем праве на простое любопытство? Впрочем, на обыске вы можете не говорить и не писать, и даже более того.

Рассказывают, однажды, правда, на суде «интеллигентного свидетеля» несколько раз подряд спросили: «Читали ли вы брошюру Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?»» Свидетель всякий раз утвердительно отвечал: «Конечно, просуществует. Какие могут быть сомнения!» А ведь у него было два высших образования, аспирантура, он официально работал ночным сторожем и иногда еще печатался в популярных журналах. Что ж, наверное, прикинуться дураком — тоже метод. Только не получил бы он большого распространения: тогда не надо будет и прикидываться.

Вопрос № 11. Можно ли у них что-нибудь отспорить? И стоит ли?

Ответ: В узком смысле — скорее всего нет. По существу, это так же бесполезно, как не пускать в дом без ордера на обыск.

Не будете же вы драться? А в широком смысле это определенно может оказаться полезным. Попробуйте отвести их нелепые и лицемерные доводы. Действительно, изъяли бы они в свое время Дюринга, так не было бы «Анти-Дюринга». Но, с другой стороны, они преспокойно изымут «Анти-Дюринга» — попробуйте только написать на нем чей-нибудь подозрительный телефонный номер. Да вы, конечно, понимаете: с пустыми руками уходить им нельзя. Но согласитесь: хватать что попало, что плохо лежит (дескать, потом отдадим) — тоже вроде бы нехорошо?

Вопрос № 12. Есть ли возможность сохранить записную книжку с телефонами? Разрешат ли некоторые телефоны переписать в том случае, когда записная книжка изымается?

Ответ: Если, например, каждый телефон записан на отдельной карточке или бумажке, то потом копию протокола обыска (ее вам непременно оставят) можно использовать как телефонную книжку. Но иногда записную книжку удастся сохранить, если просто отказаться выворачивать свои карманы. Просить о чем-либо следователя — неизвестно, стоит ли. Говорят, 25 декабря 1975 года на обыске квартиры Иосифа Бегуна (дело № 4103538-75 о распространении клеветнических измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй) была изъята записная книжка хозяина. По его просьбе следователь Тихонов позволил переписать телефон врача. Но, увидев неожиданно телефон автора настоящей брошюры, Тихонов отменил тут же свое решение и загадочно сказал: «Знаем мы, какого врача вам надо».

Вопрос № 13. Могут ли обыскивающие задавать вопросы? Имеют ли право?

Ответ: Могут и имеют право. Но вы имеете право, почти неограниченное, на них не отвечать. Вы частично его утрачиваете только на допросе, и только в момент, когда расписываетесь об ответственности за отказ от дачи показаний. (См. ст. 182 УК. Она, кстати, не слишком сурова и не связана с лишением свободы*.)

* «Отказ... от дачи показаний... наказывается исправительными работами на срок до 6 месяцев, или штрафом до 15 рублей, или общественным порицанием».

Одновременно вы расписываетесь об ответственности за дачу ложных показаний (ст. 181 УК*).

И все-таки вас спрашивают. Просто не отвечать было бы невежливо. Я думаю, ваши ответы следует разделить на две группы.

Первая. Если спрашивают: «Где туалет?» или: «Как ваша фамилия?», вы соответственно отвечаете: «Полагаю, сами сориентируетесь» или просто подаете паспорт.

Вторая. Когда спрашивают: «Надо ли что-нибудь переписывать (пересчитывать)?», то хорошо, если вы тоже отвечаете вопросом: «А сами вы как думаете?» или: «А как вам положено поступать?» Вопросы особенно характерны в тех случаях, когда обыскивающие хотят какой-то якобы обоюдной пользы. В трудных случаях можно ответить: «Я обдумаю ваш вопрос» или: «Я подумаю».

Разговоры, которые случаются на обысках, иногда поучительны. Валерий Чалидзе в своей книге «Права человека и Советский Союз» приводит следующий эпизод: «У меня на обыске один из сотрудников КГБ, поговорив с кем-то по телефону (в коридоре), вошел в комнату и сказал мне: «Тут вам кто-то звонил, так я сказал, что вас нет дома. Чтоб нам не мешали работать». Я ответил: «Иван Иванович, вы сказали неправду». Он был поражен. Он, наверное, ожидал чего угодно: протестов, требования занести замечание об этом событии в протокол, но никак не того, что его трогательную находчивость я охарактеризую так буднично и вместе с тем так непривычно для него» (Цитированная книга. Нью-Йорк, 1974, с. 42).

Первые контакты на обыске определенно имеют большее значение, чем кажется. Возможно, здесь и решается судьба ваша не в соответствии с конкретной виной, а в соответствии с вашей личностью и какими-то общими целями, о которых мы лишь с трудом способны догадываться. Да о какой вине может идти речь? Вы же

* «Заведомо ложное показание свидетеля... наказывается лишением свободы на срок до одного года или исправительными работами на тот же срок. Те же действия, соединенные с обвинением в особо опасном государственном... преступлении... наказываются лишением свободы на срок от 1 до 7 лет».

понимаете, как трудно по справедливости наказать за распространение идей и мыслей? Как трудно понять, кого и когда наказывать лучше и выгоднее? Так уж будьте сдержанны! Объясняя, что вам что-то не принадлежит, вы же косвенно признаете крамольность этого «что-то» и, во всяком случае, правомерность обыска. Вам никогда не надо оправдываться и доказывать. Доказывать должны они и только они.

Вопрос № 14. Что отвечать, если спрашивают: «Ваше или не ваше?»

Ответ: Казалось бы, их дело найти и указать в протоколе, где и что найдено. К чему расспросы? Пока вы не подписали предупреждения об ответственности по ст. ст. 181 и 182 УК (см. выше), ваши слова не имеют юридической силы. Они могут оказаться полезными следствию, но зачем это знать?

Итак, допустим, что, выворачивая карманы, обыскивающий с интересом спрашивает у своей жертвы: «Эти записные книжки — ваши?» Допустим, жертве тоже стало интересно и вместо ответа «да», она спросила (шутя): «Если я скажу «мой», то разве вы их отдадите?» Впрочем, возможно, это только теория. А в чем состоит практика?

На обыске у Твердохлебова (в ночь с 27 на 28 ноября 1974 г.) в ящике стола были обнаружены: квитанции на денежные переводы, деньги с запиской (на записке адреса семей политических заключенных), рядом еще деньги без записки и сертификаты (28 коп.).

— Что это за деньги? — спрашивает обыскивающий.

— Советские, — отвечает Твердохлебов.

— А для чего?

— На них написано: «... обязательны к приему на всей территории СССР».

— Нет, я не о том. Они ваши?

— Если не ошибаюсь, их взяли на моем столе, зачем же спрашивать?

— Нет: здесь две кучки. Одна — вот. Другая — с приколотой запиской. Эти деньги ваши. А эти — для чего?

— Как для чего? На них написано: «... обязательны к приему...».

Разговор заканчивается. Деньги пересчитывают при понятых (всего 152 руб.) и кладут в кучу, где лежит все изымаемое.

Часа через два Твердохлебов жалуется: «Не знаю, как теперь дотянуть до полочки». Услышали и, представьте, помогло — деньги вернули. Сертификаты (28 коп.) тоже. А записку с адресами и квитанции взяли, но небеззвучно:

— Откуда только деньги берете... на помощь другим?

— А сбережения скромной жизни моей, — охотно ответил Твердохлебов.

Во всякой квартире могут быть предметы, смысл которых неясен ни с первого, ни с десятого взгляда — отлетевшая деталь швейной машинки, кусок чертежа с чьим-то разорванным телефоном... да мало ли что? А вам, например, неловко признаться в своем неведении. Вот и возникает диалог. Я нарочно не связываю его с обыском у Твердохлебова, как сказал поэт:

*с исключительной целью
передать как главное
романтическую таинственность
общей ситуации.*

Итак:

— А это что?

— Круг.

— А зачем?

— Геометрическая фигура.

— Нет, я не об этом. Это для чего?

— Полоса.

— Зачем?

— Делит круг. Знаете что, я очень советую — не берите эту ерунду!

Не послушались, взяли. Ну и ладно!

Вопрос № 15. О чем следует написать в протоколе обыска?

Ответ: Обо всем, что, по вашему мнению, является на-

рушением (см. ниже). Подчеркнутая педантичность или, наоборот, безучастность к происходящему большого вреда, наверное, не принесут, хотя вас о чем-то постоянно спрашивают. А ваши ответы? Имеют ли они какое-либо значение, пока вы не подписали предупреждение об ответственности по ст. ст. 181 и 182 УК? Как дилетант вы вправе не знать об этом и спросить. Более того, вы, возможно, не поймете объяснений или не согласитесь с ними, но всегда интересно знать, во что конкретно претворятся эти слова ваши в протоколе. В крайнем случае, вы вправе занести свои слова в протокол самостоятельно. Не мешает также попытаться убедить понятых подтвердить правильность вашей записи.

Вопрос № 16. Разрешается ли отправить в школу ребенка?

Ответ: Иногда да, после того, как проверят его портфель. В принципе, оттуда, где обыск, не разрешено выходить, хотя в нарушение правил ребенку, а следовательно и вам тоже, делается любезность. Вы признательны, конечно, но вправе ли вы ее принять? Ведь никогда и ничего они не делают просто так. Их цели? Они очевидны: вы должны «поменьше говорить» про обыск, должны смущаться, бояться. И все-таки лишь тогда конечная и заветная цель их будет достигнута, когда вы «убедитесь», наконец, что даже и среди них есть хорошие люди, с которыми можно говорить и, главное, советоваться. Вероятно, поэтому некоторые из них так откровенно отвратительны, так жестоки, зато все остальные очень вежливы и любезны. Они любезны. Вы тоже.

Однако не забудьте, вам необходимо написать записку учительнице с указанием причины опоздания ребенка в школу, в сухом, деловитом тоне. Кстати, надо ли писать правду? Об этом неплохо посоветоваться с ними. Впрочем, вы же знаете, что надо обязательно писать правду. Обязательно! И хорошо бы в записке даже процитировать особо громкие места из постановления на обыск (не забудьте только оставить себе его копию).

Вопрос № 17. Что говорить детям?

Ответ: Детям? Детям, по-моему, надо сказать правду. Детям

всегда лучше говорить правду, особенно в таких случаях, хотя моя мать говорила ложь — тогда, давно. А что толку?..

Вопрос № 18. Предположим, что обыск происходит в квартире, где много гостей, которые пришли со своими портфелями и сумками, и вдруг выясняется, что у какого-то портфеля не оказалось хозяина (испугался). Как быть? Следует ли полагать, что содержание портфеля будет приписано хозяину квартиры?

Ответ: Все-таки важно знать, где лежал злополучный портфель: в сундуке, закрытом на ключ, на антресолях или в прихожей около пальто и т. д. Никому вовсе не надо доказывать, что ему принадлежит или не принадлежит. Доказывать должно следствие. Да и хозяин не обязан нести ответственность за все поступки своих гостей (если они не дети). Или во всяком случае меньшую, чем правительство за своих граждан. А вот если не найдется владелец злополучного портфеля, то, к великому сожалению, принадлежность многих изъятых вещей можно оспаривать. Например, принадлежность «псевдонаучной» монографии, лежащей, скажем, на подоконнике.

Вопрос № 19. И все-таки, как же, в таком случае, следует вести себя хозяину квартиры? Должен ли он обижаться на чью-то трусость? Следует ли ему заявить: «Если у портфеля нет владельца, напишите в протоколе, что он мой, поскольку его нашли в моем доме»?

Ответ: Нет, так говорить глупо, если не лицемерно. Надо думать, эта ложь не из желания «помочь» следствию и упростить его кропотливую и трудную работу. Да, отвечать за другого никому не хочется, тем более, что отвечать за другого и невозможно.

Труса, безусловно, следует осудить, но внутренне и не труся, и, главное, не сейчас, не при них. А хозяин, который принимает чужой портфель на себя и думает, что он героически спасает ближнего, в действительности лишь подает другим сомнительный пример... Хотя может и впрямь именно сейчас, пока они не ушли, пока не смутились, прямо сейчас разобраться, чьи у кого бумаги, у кого мысли чьи? Зато потом... Потом отчего-то возникают угрызения. Отчего? От неполноты, что ли? От неясности?

Нет! Не говорите мне, что Илья сел из-за бумаг Петра. Я вам так же легко найду того Петра, что сел из-за бумаг Ильи. Так пусть уж трудятся те, кому положено, и не мешайте им. Охотников копошиться между трусостью и благородством (безрассудством и здравомыслием) всегда предостаточно. Пусть себе копошатся.

Однако мы позабыли про гостей — хозяину следует о них позаботиться. Надо их как-то развлечь. Нельзя же все время думать только о портфеле. Нет, на месте его владельца я поступил бы правильно.

Как?

Правильно. Правильно! А на месте хозяина... Именно на месте хозяина тому, кто меня обыскивает, я сказал бы так: «Вас лично и портфель, который вы держите в руках, я вижу, кажется, впервые. Прошу не беспокоить моих гостей и все вопросы обращать впредь ко мне».

Вопрос № 20. Что имеет смысл требовать на обыске?

Ответ: Чтобы не курили, не шумели, чтобы клали на место взятый предмет, если не хотят унести его с собой. Чтобы не выворачивали ваши карманы. И, конечно, чтобы предъявили ордер на обыск, если он у них есть.

Вопрос № 21. Чего бессмысленно требовать?

Ответ: Того же самого, то есть чтобы не курили, не шумели, клали на место взятый предмет... А также, чтобы не ломали стену и не долбили пол. И, конечно, ордер на обыск, если его у них нет. Но главное, иногда к сожалению, чтобы не выворачивали карманы.

Вопрос № 22. На что следует рассчитывать?

Ответ: На вежливое обращение и на то, что может быть не сообщат на работу (если им выгодно не сообщать). И, конечно, на то, что, изымая обнаруженные в карманах бумажки, они постесняются указать в протоколе, где и при каких обстоятельствах они были обнаружены.

Вопрос № 23. О чем не надо жалеть?

Ответ: О пишущей машинке, которую изъяли (вероятно, навсегда). О всем том, что изъяли, и обо всем том, чего не нашли. Но не следует еще сожалеть, что пишущий протокол слишком подробно и нудно записывает каждую мелочь.

Вопрос № 24. Что необходимо сделать сразу?

Ответ: Достать УПК и УК, написать краткую и обоснованную жалобу прокурору. Наконец, поскольку предстоит допрос, не мешает посоветоваться с «опытным человеком»*. И очень жаль, если вы забыли переписать для себя полный текст постановления на обыск.

Вопрос № 25. Что они берут? И что, в конце концов, надо делать?

Ответ: В сущности, они этого тоже не знают: обыск — дело творческое. Такое же творческое, как и ваше поведение во время него. А берут они записные книжки, письма, которые пришли по почте, квитанции, пленки с магнитофонами и без магнитофонов и, конечно, пишущие машинки. В Красноярске живет один человек, у которого на обыске взяли лишь фотографию Валерия Ронкина и несколько томов сочинений Маркса-Энгельса. Впоследствии все вернули. Вообще говоря, бывает всяко. То, что не взяли у одного, могут взять у другого. Уйти с пустыми руками им не хочется, но аппетиты, по-видимому, зависят от места и от времени. Изымают даже большевистский самиздат. Владимиру Гусарову год назад возвратили изъятую у чего давным-давно брошюру Мартова, изданную в 1905 году за границей (на папиросной бумаге). Любят они разные книги, особенно неизданные рукописи (говорят, их потом тайно издадут). Очевидно, рукописи хранить небезопасно. Но что же делать? Может, лучше было бы выучить их наизусть?

* Среди причин, мешающих следовать дельному совету, есть одна весьма существенная: вы уже соорудили «стройную» версию предстоящего поведения на допросе и боитесь эту версию разрушить. По-видимому, вы хотите сохранить ее девственность для следователя.

Одному это не под силу, но можно учить наизусть вскладчину, на троих, на четверых, по договоренности и как подарок любимой к Первому мая. Допустим, вы живете у меня неделю и читаете роман. Потом я у вас на даче ем-пью-читаю философский трактат. Потом мы вместе где-нибудь живем, читаем и т. д. Но вот беда: общение резко возрастет, и тогда «органам» придется вновь, так сказать, разрешить письменность, либо тряхнуть стариной. Как говорил Швейк, из всякого положения есть два выхода.

Так что, видимо, если уж ходить в гости или принимать гостей, то всем надо самообыскиваться (это что-то вроде самокритики) и вообще следить друг за другом. Или уж сделать в двери «глазок» и сидеть голым в голой комнате и никуда, естественно, не ходить. Однако даже при этом лучше быть прописанным в одном месте, а жить не в другом, а в третьем (у меня, представьте, так и было). Словом, решайте сами. Но, кажется, у вас еще вопрос?

Вопрос № 26. Нельзя ли иметь какие-нибудь писанные краткие правила конспирации?

Ответ: Вот именно, правила, особенно краткие.

Вначале я так и думал — написать правила конспирации как определенную степень того идиотизма, на который обязан или вынужден идти нормальный человек, чтобы уберечь интимный мир личных представлений. Конечно, перед тем как подпускать рабочего к станку, ему объясняют технику безопасности. Не логично ли думать, что перед тем, как интеллигента под уздцы подведут к культуре, ему что-то подобное объяснят?

Нет, безусловно, какие-то правила «конспирации» были бы полезны, но, понятые утилитарно и вместе с тем изложенные очень кратко, боюсь, не окажутся ли они, в конце концов, ядовитыми?

А с другой стороны, ведь конспирация давно уже существует, наверное, в форме определенного вида «приличия» (или, не знаю, как некая реакция на «конспирацию» самого государства?)

Давая, например, перепечатать своему знакомому стихи Пастернака, вы определенно предполагаете, что по телефону он не станет об этом говорить открыто. Впрочем, можно специально

попросить. А что толку? Представьте, по телефону вам загадочно сообщают: «Вернуть пятого не могу — заболела жена».

Ваше смущение и весь стиль разговора уже позволяет «кому надо» догадаться о «многом». Вы сердитесь. А что делать? Коротче говоря, ваша «конспирация» или «приличие» (все равно как назвать) должны предвидеть какую-то естественную реакцию и на тот случай, если «конспирация» (или «приличие») нарушается собеседником. Хотя, что бы вы ни говорили, собеседник все равно ответит: «Ничего особенного! Сказал — жена заболела гриппом».

К несчастью, не только у телефона, у стен тоже имеются уши. Поэтому приходится иногда не говорить, а писать. Само по себе это, бесспорно, не стимул к творчеству, поскольку написанное потом кладется в унитаз. И вот, кстати, когда я однажды завершал такую процедуру, меня спросили: «Неужели это надежно?»

Я рассердился и объяснил: «Если бы было надежно, я бы это делал с утра до вечера, потому что когда конец цивилизации, ничего другого не остается». Да и вообще, все равно, что делать, когда конец цивилизации.

Конспирация! Если не считать ее навязанным стилем, если не утерять чувства меры, она определенно полезна. Но ведь самая лучшая конспирация — сидеть, не высовывая носа, и помалкивать!

В большой и добротной конспирации — всегда большая трусость. Да не тому ли именно учит нас история сотен разных государств и правительств?

Вопрос № 27. Можно ли сказать, что, говоря так много о беззаконии, мы все-таки чего-то определенно не замечаем?

Ответ: Пожалуй, да. Общеизвестно, что там, где властям это невыгодно, обысков не происходит. Уважаемому ученому из Москвы легче при необходимости найти справедливость, чем никому не известному садовнику из Калужской области.

Разумеется, закон или практика его использования могут не нравиться, казаться как угодно несправедливыми, точно так же, как несправедливыми могут казаться и сами протесты. Но

общество, где практически не достигнуто равенство перед законом всех граждан от садовника до академика, никогда не гарантировано от своего же произвола.

Опасен произвол, не только тот «плохой» произвол, который вызывает протесты, но и тот «хороший», который всех как будто бы даже устраивает и протестов не вызывает. Да и вообще — действию плохого закона должна препятствовать не политическая выгода, а мораль.

Вопрос № 28. Тот, который лучше написать, чем произнести, а еще лучше догадаться.

Ответ: У стен бывают уши (иногда с проводами вместо нервных окончаний). Однажды доктор наук А. в минуту горестных предчувствий попросил жену вслух отнести его архив к Р., но написал ей на бумаге нечто совсем противоположное. На следующий день у Р. состоялся обыск. Воистину: слово написанное дороже слова сказанного. Об этом можно говорить бесконечно.

Кому-то якобы прокручивали магнитофонную запись телефонного разговора. Маловероятно. Тот следователь, который прокручивал, хотя человек «смелый», но наверняка был бы смущен в принципе. Он мог лишь рассчитывать смутить свидетеля больше себя самого, и только смутить, а не возмутить. Ведь тогда, даже очень вежливо и понятно, тот легко объяснил бы и себе и другим, что следователь попросту мерзавец. Интересно, что, как бы ни было дальше, жаловаться в суд невозможно. В таких случаях ведь вне закона оказываются не оба сразу и не суд даже, а все общество в целом.

Вообще, когда следователь становится свидетелем, свидетелю ничего не остается, как стать следователем. Не могут же они оба, в конце концов, оказаться на равных? Однако свидетель не обязан при этом копировать своего оппонента в словах, в сути или в методах, а тем более в ссылках на законы. Достаточно ссылаться на мораль. Чего еще говорить? Подслушивать гадко! Ну, другое дело, когда случайно подслушанная информация становится причиной обыска, и все-таки основная причина — слежка и донос. Когда говорят: «Стены имеют уши!», то чаще всего имеют в виду не вделанный в стену микрофон, а просто людей,

живущих по соседству. И все-таки, приходя с обыском, они иногда поражают своей необычайной осведомленностью.

Разумеется, так называемые недемократические страны, где производительность труда низка, так же как и качество продукции, вынуждены иногда в так называемых свободных странах покупать подслушивающую аппаратуру, и за большие деньги. Отсюда, по всей вероятности, ее большая редкость и экстраординарность. Ведь такая аппаратура не о стольком расскажет, о скольком проговорится, когда ее обнаружат. А такое бывает. В самиздате на эту тему совсем недавно появилось открытое письмо Лидии Васильевны Крючковой (жены председателя Совета церквей евангельских христиан-баптистов). 26 апреля 1974 года на ее квартире (г. Тула, ул. Агеева, 32) был установлен электросчетчик. В субботу, 8 июня, по просьбе хозяйки родственник-слесарь снял счетчик и детально его разобрал. На то, конечно, имелись причины.

Механизм счетчика крепился к корпусу винтами с двойной головкой (они охотно крутились и совершенно не выворачивались). При внимательном рассмотрении в прорезях были обнаружены едва заметные отверстия. Введя в них иголки, удалось отвернуть винты. За механизмом счетчика оказалась черная пластика, скрывающая миниатюрный подслушиватель, включенный в сеть в самом счетчике. А на боковой стенке был подклеен микрофон-датчик с надписью по-английски: «Сделано в США».

«Сразу после отключения счетчика, — пишет Крючкова, — вокруг дома возникла суета». Угрозы и требования со стороны милиции вернуть счетчик, вернуть «что нашли», не прекращались. За домом установили слежку, отключили свет, составили акт, по обвинению в краже задержали родственника-слесаря. Спустя некоторое время свет, разумеется, включили, акт порвали, а родственника-слесаря отпустили. Но по-прежнему требуют отдать «что нашли». Иногда около дома по ночам дежурят какие-то машины (вероятно, опять слушают).

Интересно следующее место из письма Крючковой: «Недавно, когда я была в городе, меня окликнул следователь: «Ну как, Лидия Васильевна, нашли то, что вы куда-то передали?»

«Нашла», — ответила я. «Ну, смотрите, дело не закрыто. Вещь дорогостоящая, будете отвечать за хищение...»

Конечно, само по себе поразительно, что следователь, обязанный арестовать Крючкову за хищение «социалистической собственности», вместо этого летает за ней по городу, как демон, стесняясь открыто вызвать ее повесткой в свой кабинет, стесняясь даже сказать, что же она похитила.

И обидно, когда именно в таких случаях «собеседники» понимают друг друга с полуслова. Понимать с полуслова могут лишь люди близкие. Что означает: «Отдайте, что нашли»? А что Крючкова нашла? Если ее должны судить (за хищение или находку — неважно), то почему не судят?

Жаль, что она позволила разорвать акт. Впрочем, кое о чем следователь тоже мог бы догадаться. Во всяком случае, угрожать человеку, который верит в Бога, конечно, и нелепо, и бесполезно, но, наверное, он обязан был так поступить. Хотя если бы Крючкова сама «пригрозила», что будет жаловаться на него по службе, а именно — президенту США (как бы это повлияло на Уотергейтское дело, ее, естественно, не касается), вот тогда ее слова были бы вполне уместны и удачны, потому что лежали бы не на том уровне. Они не угрожали бы следователю лично, а, наоборот, даже определенным образом помогали бы ему, выводя из того тупика, в который он попал благодаря американскому устройству для подслушивания.

Известно, что довольно часто люди не говорят, а пишут, опасаясь быть подслушанными. За последние несколько лет вошли в употребление специальные дощечки, на которых запись легко и бесследно стирается. Иногда они (отечественные) продаются в ГУМе (заграничные, правда, гораздо лучше). За границей, да и у нас, дети их используют для рисования, а взрослые — для беседы тоже.

Что же будет дальше?

Быть может, когда-нибудь эти дощечки и не окажутся столь необходимыми. Пока, к сожалению, их изымают на обысках. И как знать, не будут ли впоследствии изымать также иностранные сейфы, привезенные, допустим, из Америки, где при

необходимости рукописи станут мгновенно и автоматически уничтожаться огнем или кислотой. Неправда ли, перспективы заманчивы?

Я благодарен читателю за внимание. Я рад быть полезным. Но прошу понять и простить: я не мог быть конкретнее. Потому что нужны, наверное, не инструкции, а такая мелочь, как благородство, совесть, порядочность. И, конечно, ответственность перед культурой.

А в конце к вашим чудесным вопросам разрешите, читатель, мое замечание и мой маленький вопрос: замечание в конце — это уже совсем похоже на протокол. Ничего, оно даже и не столь существенно.

Во время обыска (так уж часто бывает) непременно сыщется какая-то мелочь, которую вы считали давно и безвозвратно потерянной, например, старая пудреница или бабушкина брошь. Хотя мелочи играют в нашей жизни известную роль, и я безусловно рад за вас, читатель, но тем не менее надеюсь, что на своем обыске или даже непосредственно после него вы найдете для себя нечто более существенное. Я только надеюсь! Конечно, я желаю вам добра. Вам — только и всегда добра. Я хотел еще спросить вас: чего же вы боитесь больше всего? — но я понял это сам. Зачем мудрить? Конечно, больше всего мы боимся огорчить свою мать, — свою бедную больную мать, и жену тоже. Тем не менее, по существу нам ведь ничего не остается, как только полагать, что они боятся того же.

СОДЕРЖАНИЕ

КАК БЫТЬ СВИДЕТЕЛЕМ	3
Если проникать в тайны литературы узкоспециальной (вместо введения).	4
Начало было неожиданным	6
Первые радости.	7
Мешает ли вам жизненный опыт?	9
Это все-таки допрос или беседа?	11
Четыре основных принципа	13
Как отвечать на трудный вопрос? Про сито «П» и «Л» . . .	14
Вопрос, который не имеет отношения к делу или вопрос, который имеет «слишком близкое» отношение к делу (про сито «О»).	17
Система ПЛОД	18
Как спокойно отвечать на простой вопрос?.	19
Еще раз о том, что такое нравственная допустимость или как отвечать на очень простой вопрос? (Сито «Д»). . .	21
«Не замечали ли вы в поведении обвиняемого К. каких-либо странностей?» (Сито «Д»)	23
Опять трудный вопрос (Рассмотрим ряд примеров. Сито «Л»).	24
О том, как убедить следователя в необходимости правильно вносить ваши ответы в протокол (сито «П») . .	26
Все-таки вы боитесь... и зря	28
Нет, вы определенно не понимаете	29
Допрос — это не место, где должно быть понятно абсолютно все	31
Дело тянется.	33
Тем временем вас приглашают на очную ставку с обвиняемым К.	34

У следствия есть цель и средства для достижения цели	37
Жену обвиняемого К. приглашают на роль свидетеля	39
В чистом поле закона	41
Отчего все-таки не позволить себе небольшую хитрость? .	43
О чем говорит закон?	44
Опять он хитрит	51
У вас возникли мысли и опасения (рассуждения)	53
Надо ли отказываться от показаний?	57
Ряд существенных выводов	59
Неторопливое окончание.	61
Побеседуем о проблемах моральных (вроде бы не относящиеся к делу чтение)	62
А если это не допрос, а беседа?	66
Разговор читателей с автором	69
О том, как трудно готовиться к допросу.	70
Деликатное добавление (Про наводящий ответ).	74
Авторская неудача	76
А вот следовательно, к которому шел на допрос автор, оказался просто халтурщиком	79
Коротко о допросе автора по делу Щаранского в ноябре 1977 г. По просьбе читателя этой рукописи	82
Несколько советов в конце	85
Четыре вопроса читателей этой рукописи к автору.	90
КАК ВЕСТИ СЕБЯ НА ОБЫСКЕ	93

ВЛАДИМИР АЛЬБРЕХТ

**КАК БЫТЬ СВИДЕТЕЛЕМ
КАК ВЕСТИ СЕБЯ НА ОБЫСКЕ**

Корректор *А. Муждаба*
Верстка *Е. Касьяновой*

Подписано в печать 27.02.2013
Гарнитура Minion. Печать цифровая.
Тираж 500 экз. Формат 60 × 84 ¹/₁₆
ООО «Свое издательство»
199004, Санкт-Петербург, 1-ая линия В.О., д. 42
Тел.: (812) 612-18-81
www.isvoe.ru
E-mail: editor@isvoe.ru

**Из протокола допроса автора этой
рукописи по делу Щаранского.
16 ноября 1977 г. Лефортово.
Следователь КГБ Литвиновский.**

Следователь: Следствие располагает данными, что вы, являясь автором рукописи «Как быть свидетелем», читали лекции и проводили беседы на тему, как вести себя на допросе, с лицами из разных городов Советского Союза. Что вы можете по этому поводу сказать?

Свидетель: (Об ответе читатель, надеюсь, догадался, прочтя эту рукопись. Полностью следователь ответ не записал).

Следователь: Намерены ли вы отвечать, являетесь ли вы автором предъявленного документа?

Свидетель: Я намерен отвечать на ваши вопросы только в том случае, если вы намерены полностью вносить их в протокол. Обращаю ваше внимание на то, что уже в третий раз вы не записываете мой ответ в протокол полностью. Считаю нужным дополнить ответ на предыдущий вопрос. После слов «с лицами из разных городов» следует читать: «тем не менее, я верю вашим словам, что в предъявленном мне документе „Как быть свидетелем“ нет ничего крамольного.

Я верю вашим словам, что в моих беседах об этических проблемах допроса нет ничего крамольного. Однако я не понимаю, почему вы тогда задаете эти вопросы?»